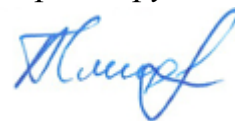

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Вятский государственный университет»
(ВятГУ)

На правах рукописи

Смирнов Павел Сергеевич

**НЕМЕЦКИЙ ВОЕННЫЙ ФРОНТОВОЙ ТЕКСТ КАК ВИД ВОЕННОГО
ДИСКУРСА**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Байкова Ольга Владимировна,
доктор филологических наук,
доцент

Киров
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДИСКУРСА.....	11
1.1. Эволюция понятия «дискурс» и его типология в современной лингвистике.....	11
1.2. Соотношение категорий «речь», «текст» и «дискурс» в институциональной коммуникации.....	22
1.3. Военный дискурс как разновидность институциональной коммуникации: структура, ядро и периферия.....	26
1.4. Немецкий военный фронтовой текст как материальная репрезентация военного дискурса.....	35
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	44
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ВОЕННОГО ФРОНТОВОГО ТЕКСТА (1941–1942 гг.).....	47
2.1. Общая характеристика материала исследования и методика анализа.....	47
2.2. Лексико-терминологическая система фронтового текста и специфика ее перевода.....	52
2.3. Функционально-смысловые типы речи и их синтаксическая реализация.....	59

2.4. Лексико-грамматические и прагматические особенности фронтового документа.....	83
2.5. Жанровая организация немецкой фронтовой документации: авторская классификация.....	94
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	106
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	109
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	124

ВВЕДЕНИЕ

Документы периода Второй мировой войны, хранящиеся в архивах, продолжают вызывать интерес у учёных и исследователей по всему миру. Они служат не только источником исторического знания, но и значимым ресурсом для языковедческого исследования. Основным признаком языка военной документации является высокая степень вариативности. Это определяется особенностями коммуникативных задач, напряжённостью той или иной обстановки, а также строгой нормативной регламентацией. Война закончилась более 80 лет назад, и за это время в мировой науке сформировался достаточно широкий пласт работ, посвящённых немецким военным документам – приказам, рапортам, сводкам, дневникам боевых действий. Однако в отечественной науке до сих пор ощущается заметный недостаток исследований, которые рассматривали бы указанный корпус текстов именно с точки зрения языкознания и в границах 1941-1942 гг. Основная масса имеющихся изысканий посвящена военно-техническим терминам, архивному и историческому восстановлению событий либо политологическому анализу. Системное же исследование синтаксического строя, жанровой структуры и стратегий дискурса немецких фронтовых документов по-прежнему носит неполный характер. Именно это обстоятельство и обуславливает актуальность, а также задаёт научную перспективность данной темы.

Объектом исследования выступает немецкий военный фронтовой текст периода Великой Отечественной войны периода 1941-1942 гг.

Предметом исследования служит военный дискурс, отражаемый в немецких фронтовых документах, его структурные, содержательные, синтаксические и жанровые особенности.

Целью исследования является обнаружение и характеристика особенностей немецких фронтовых текстов, установить языковые маркеры, описать жанровую структуру, а также выявить дискурсивные стратегии, которые реализуются в ситуации боевого общения.

Для достижения обозначенной цели требуется решить следующие задачи исследования:

1. Суммировать теоретические знания, касающиеся военного дискурса, немецкого фронтового текста и сопряжённых с ним понятий; проанализировать принципы и позиции, предлагаемые различными исследователями.
2. Установить закономерности и признаки немецких фронтовых текстов, а также обнаружить особенности немецкой военной речи периода 1941-1942 гг.
3. Охарактеризовать специфику военного дискурса, опираясь на анализ немецких фронтовых текстов.
4. Исследовать массив немецких военных фронтовых документов и на его основании сформировать цельное представление о том, как реализуется немецкий военный дискурс в обозначенный историко-временной отрезок.

Методологический подход объединяет как общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и отдельные методы языкознания. В ходе исследования задействован анализ контекста, направленный на выявление лексико-семантической и морфологической специфики военной речи. Метод описания используется с целью интерпретации и более глубокого понимания речевых и жанровых признаков текстов. Метод сравнения и сопоставления позволяет зафиксировать расхождения как между, так и внутри дискурса. Кроме того, применяются функционально-стилистический анализ и ономаσιологический подход, базирующийся на теории функционально-семантического поля. Опора на аспектный подход и историко-биографический компонент, который принимает во внимание внеязыковые факторы становления военного дискурса в 1941-1942 гг., также способствует достижению цели исследования.

Гипотеза исследования. Предполагается, что фронтовой текст периода 1941-1942 гг. не сводится к сугубо технической разновидности официальных военных документов. Напротив, он выступает как самостоятельная гибридная форма военного дискурса, которая реализуется в условиях сугубо напряженной, экстремальной коммуникации. Языковое устройство подобных материалов отличается особой организацией. В синтаксисе находят отражение логические категории повествования, описания и рассуждения, лексическая и грамматическая составляющие отличаются сжатостью информации, жанровость текстов свидетельствуют о наличии строгой иерархии. Также имеет место прагматическая маркированность. Эти элементы предопределены взаимодействием институциональных регламентов вермахта и ситуативных требований обстановки на фронте.

Подтверждение выдвинутой гипотезы посредством комплексного анализа корпуса документов даст возможность обосновать, что фронтовой текст не ограничивается пассивным перечислением боевых действий, но и активно способствует построению военной реальности. Это проявляется в отражении следующих моментов:

1. глубинных моделей стратегического мышления командного звена, которые реализуются посредством имплицативных синтаксических конструкций;
2. строгой институциональной иерархии руководства, которая выражается через залоговое маркирование, систему аббревиации и жанровый документооборот;
3. прагматической и идеологической ориентированности военного дискурса, что находит выражение в компрессивности, обезличенности и ситуативному обращению к прямой речи в качестве средства распределения ответственности.

Следовательно, подтверждение выдвинутой гипотезы даст основание определить фронтовой текст как самостоятельный вид военного дискурса, объединяющий в себе как институциональную нормативность, так и

ситуативную гибкость. Это, в свою очередь, позволит обогатить теоретическую базу в области военной лингвистики и дискурс-анализа.

Научная новизна работы носит комплексный характер и заключается в том, что впервые:

- немецкий военный фронтовой текст периода 1941–1942 гг. концептуализирован не как технический подвид официальной документации, а как самостоятельная гибридная разновидность институционального военного дискурса, функционирующая в условиях экстремальной коммуникации;
- доказано, что фронтовой текст находится на стыке нормативно-уставного (формального) и адаптивного (неформального) сегментов, что позволяет рассматривать его как промежуточную форму между статусным и личностным типами коммуникации;
- на материале рассекреченных архивных документов (на примере журнала боевых действий 1-й горнострелковой дивизии вермахта) проведена системная реконструкция языковой модели вермахта критического периода 1941–1942 гг.;
- выявлены и описаны четыре магистральные закономерности эволюции немецкой военной речи этого периода: идеологическая детерминированность (формирование «дискурса завоевателя»), функциональная компрессия, жанровая стандартизация и адаптивная вариативность (жаргонизация полевой речи);
- выделена и систематизирована жанровая матрица немецкой фронтовой документации, включающая 29 речевых жанров, объединенных в 4 функциональные категории (информационные, директивные, коммуникативные, отчетные);
- доказано, что эта жанровая система образует четкую трехуровневую иерархию (нисходящую, восходящую и горизонтальную), которая языковыми средствами репрезентирует институциональную вертикаль

управления вермахта и строго разграничивает зоны ответственности (включая прагматику взаимодействия с союзными войсками).

Теоретическая значимость состоит в расширении представлений о военной лингвистике, уточнении типологии военного дискурса, развитии жанроведения и теории функционального синтаксиса на материале исторических документов. Работа вносит вклад в концепцию фронтового дискурса как промежуточной формы между институциональным (статусным) и личностным (частная переписка) типами коммуникации.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов в преподавании дисциплин по истории, языкознанию, военной науке, теории перевода и работе с архивными источниками. Разработанные классификации и аналитические схемы могут быть использованы при подготовке военных переводчиков, историков-архивистов, а также в цифровых проектах по автоматической обработке и атрибуции фронтовых документов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Немецкий военный фронтовой текст 1941-1942 гг. представляет собой самостоятельную гибридную разновидность институционального военного дискурса, функционирующую в условиях экстремальной коммуникации и сочетающую жесткую жанровую регламентированность с ситуативной адаптацией к оперативно-тактическим задачам боевой обстановки.
2. Жанровая система немецкой фронтовой документации многообразна, имеют функциональные категории, которые образуют четкую иерархию документооборота, репрезентирующую институциональную вертикаль управления вермахта.
3. Синтаксическая организация фронтового текста определяется тремя функционально-смысловыми типами речи, реализующими базовые логические категории посредством специфических средств: однородных предикатов и эллиптических конструкций (повествование),

постпозитивных определительных придаточных и препозитивных причастных оборотов (описание), а также многоуровневых сложноподчиненных предложений с придаточными условия, причины и следствия (рассуждение).

4. Лексико-грамматический уровень немецкого военного дискурса характеризуется системной компрессией информации (высокая частотность аббревиатур, номинативные и эллиптические конструкции), контрастным залоговым маркированием (активный залог для субъектов принятия решений, пассивный для исполнительных звеньев) и прагматически мотивированным использованием прямой речи как инструмента документальной фиксации ответственности в критических тактических ситуациях.
5. Фронтальной документ выполняет не только ретроспективно-фиксационную, но и прогностически-конструктивную функцию: он активно участвует в формировании оперативной картины мира командования, репрезентирует логические паттерны стратегического мышления и служит механизмом распределения институциональной ответственности, что позволяет рассматривать язык военного дискурса как инструмент управления и конструирования военной реальности.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки): 9. Текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран. 10. Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного

языка на другой. 11. Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи.

Апробация результатов исследования осуществлялась на всероссийских научных конференциях «Общество. Наука. Инновации» (2023, 2025, 2026) на базе Вятского государственного университета, «Карбышевские чтения» (2023), международной конференции Practice Oriented Science: UAE — Russia — India (2023). Также основные положения и выводы диссертации изложены в семи научных статьях, входящих в перечень ВАК и индексируемых РИНЦ.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников. Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель, задачи, методология, новизна и положения на защиту. Первая глава посвящена теоретическим и методологическим основам изучения военного дискурса. Вторая глава содержит анализ лингвистических особенностей немецкого военного фронтового текста, от терминологической системы до жанровой организации. В заключении формулируются общие выводы и перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

1.1. Эволюция понятия «дискурс» и его типология в современной лингвистике

Современная лингвистическая наука характеризуется устойчивым интересом к исследованию речевой деятельности в ее контекстуальной обусловленности, что предопределило выдвижение дискурса в число ключевых объектов лингвистического анализа. В условиях глобальной медиатизации и институциональной дифференциации общества особую научную значимость приобретает изучение специализированных видов дискурса, среди которых военный дискурс занимает одно из центральных мест благодаря своей императивной природе, жесткой статусно-ролевой регламентации и функциональной направленности на обеспечение безопасности государства. Как отмечает М. Н. Федулова, исследование дискурса неразрывно сопряжено с формированием свежих научных концепций, среди которых выделяются концептуальная картина мира и ее языковое отражение, проблемы семантической когезии умозаключений и интертекстуальные связи [Федулова, 2020].

Термин «дискурс» обладает богатой научной генеалогией, уходящей корнями в эпоху античности. Как отмечает Л. Р. Данакари, древние мыслители Платон и Аристотель впервые обратили пристальное внимание на этот феномен, противопоставив последовательное выстраивание понятий и суждений целостному интуитивному восприятию [Данакари, 2020]. Следует подчеркнуть, что позднее в рамках средневековой философии сторонники схоластики провели четкую границу между двумя видами знания: непрерывным и слитным интуитивным познанием они отличали прерывистое, исключительно рассудочное дискурсивное анализ. Как подчеркивает Л. Р. Данакари, подобное противопоставление дискурсивного и интуитивного мышления оставалось актуальным вплоть до шестидесятых и

семидесятих годов прошлого столетия, когда дискурс, приравняемый к тексту, определяли как связную последовательность фраз, реплик и речевых действий [Буцык, 2015; Данакари, 2020].

Необходимо отметить, что в начале прошлого столетия швейцарский ученый Ф. де Соссюр впервые ввел понятие «дискурс» в лингвистический обиход, хотя в его подлинных текстах речевая деятельность иногда обозначалась словом *discourse* вместо привычного *parole* [Кузнецов, 2006]. По мнению М. Лабащук, исследователь стремился разграничить «регулярную модельную деятельность» (*parole*) и «единичный индивидуальный акт» (*discourse*) [Лабащук, 2006]. Терминологический разбор рукописей указывает на синонимичность этих единиц, а именно, узкое феноменологическое понятие *parole* описывает то, что фактически произносится или фиксируется на бумаге здесь и сейчас (*ad hoc*), тогда как *discourse* подразумевает осознание не только сиюминутной коммуникативной ситуации, но и глубокого социально-исторического значения речевого факта. Как отмечает В. Г. Кузнецов, если язык представляет собой стабильную, единую и абстрактную выразительную систему, то дискурс указывает на его реальные проявления, каковыми выступают фактическая речь или письмо [Кузнецов, 2006].

В научный обиход лингвистики термин «дискурс» был введен З. Харрисом в начале 1950-х годов, придавшим данному термину специфическое лингвистическое значение. Как отмечает О. Г. Клименко, в своих работах З. Харрис определял дискурс как связную последовательность высказываний, то есть текстовый фрагмент, превосходящий по объему отдельное предложение [Harris, 1952; Клименко, 2001]. В последующие десятилетия в академической среде так и не выработалось унифицированного подхода к интерпретации этой категории. Как отмечает М. Ш. Мусатаева, концептуальная амбивалентность данной категории проявляется в ее многомерности: с одной стороны, дискурс трактуется как статичная монологическая конструкция (речь или текст), с другой – как динамическая

последовательность коммуникативных актов (диалог, беседа или тематически объединенные массивы письменных текстов) [Мусатаева, 2012].

Необходимо отметить, что в рамках французской научной традиции термин «дискурс» применяется для обозначения тематически организованной речи или специфического способа выражения. Как подчеркивает П. Серио, французская лингвистическая школа трактует данную категорию как эмпирический феномен, отражающий взаимосвязь человека, идеологии и языка [Серио, 1999]. По мнению Э. Бенвениста, дискурс тождественен речи, актуализируемой говорящим субъектом, в центр подобной коммуникативной модели помещаются как сам продуцент, формирующий интенции реципиента, так и непосредственный адресат высказывания [Бенвенист, 2002]. А. Ж. Греймас и Ж. Курте, напротив, склонны отождествлять дискурс с текстом, акцентируя внимание на том, что текст выступает своеобразным актом оппозиции по отношению к дискурсу [Греймас, Курте, 1983]. Как отмечает В. Е. Чернявская, фундамент для широкого понимания дискурса во французской лингвистике, трактующего его как совокупность текстов, был заложен З. Харрисом [Harris, 1952; Чернявская, 2006].

В рамках школы дискурс-анализа, разработанной М. Пеше, рассматриваемая категория не тождественна ни речи, ни тексту. Как отмечает М. Пеше, она наделяется статусом автономного феномена – «интердискурса», который невозможно редуцировать к узкой коммуникативной парадигме языка [Пеше, 1999]. М. Пеше постулировал, что генезис дискурса детерминирован предшествующими социально-историческими условиями, и ключевой особенностью пешеанской интерпретации стал органичный синтез лингвистического и идеологического структурных подходов. Как подчеркивает М. Фуко, значительный вклад в концептуализацию дискурса внесли его труды, обогатившие теорию дискурс-анализа фундаментальными категориями – базовой единицей дискурсивного процесса, высказыванием, и специфической интеграцией подобных элементов, формирующей так называемую «дискурсивную формацию» [Фуко, 1977; Фуко, 2004].

Стоит обратить внимание на то, что теоретическим фундаментом германо-австрийской школы дискурс-анализа стали положения французской традиции изучения дискурса. Так, У. Маас отмечает, что в рамках данного направления дискурс трактуется как особая форма социальной практики. Она концентрирует в себе intersubjective и обусловленные контекстом правила, а также механизмы, обеспечивающие порождение и толкование значений и смыслов [Maas, 1984]. С точки зрения Ф. Германнса, главным направлением исследования выступило выявление многообразных отношений власти и идеологических ориентиров. Последние посредством дискурсивных практик находят своё выражение и постоянное воспроизведение [Hermanns, 1995]. В англо-американской исследовательской традиции это направление получило наименование «интеракционистского», а центральным предметом изучения в нём стали коммуникативные намерения как адресанта, так и адресата сообщения. По утверждению Т. А. ван Дейка, дискурс необходимо понимать как особое коммуникативно-интерактивное событие, уяснение которого существенно превышает буквальное восприятие одиночного высказывания или цепочки высказываний [Дейк, 1989; Dijk, 1998]. Д. Шиффрин толкует понятие дискурса как призму трёх основных исследовательских перспектив: как языковая структура, выходящая за пределы отдельно взятого предложения; как феномен, который нельзя свести к единичному акту речевого употребления; и, наконец, как непосредственное тождество с высказыванием.

Стоит также упомянуть антропологическую лингвистику, которая исследует глубинные связи между языком, культурой и когнитивные процессы. Эта область обосновывает положение о том, что истоки дискурса коренятся именно в социальной деятельности. Б. Палтридж обнаруживает, что с самого момента своего возникновения данная дисциплина рассматривает содержательную нагрузку языка и особенности функционирования дискурса, который неразрывно связан с человеческим поведением и идеологическими установками [Paltridge, 1997]. Отдельные

зарубежные учёные обращают внимание на то, что вербальный текст не является единственным средством общения между людьми. Так, Г. Кресс полагает, что в понятие дискурса также можно включить зрительные и звуковые образы, вкусовые ощущения и запахи. Исследователь объясняет этот феномен через т.н. мультимодальность, которая предполагает объединение речевых сообщений с визуалом, устной речью и жестикуляцией [Kress, 2001].

В отечественной лингвистике систематическое изучение дискурсивных феноменов опиралось на фундаментальные труды Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, В. А. Звегинцева, В. И. Карасика, А. А. Кибрика, В. В. Красных и других исследователей. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, дискурс определяется как «речь, погруженная в жизнь» – связный текст в неразрывной совокупности с экстралингвистическими факторами: коммуникативной ситуацией, статусно-ролевыми отношениями участников и социокультурным контекстом [Арутюнова, 1990]. Следует подчеркнуть, что к данной позиции присоединяется Ю. Н. Караулов, указывающий, что сущность дискурса характеризуется через понятие текста в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами когнитивного и прагматического характера [Караулов, 1987]. По мнению М. М. Бахтина, дискурс рассматривается сквозь призму разговорной природы текста, понимаемого как специфическое речевое действие, актуализируемое посредством диалога и взаимного обмена текстами [Бахтин, 1986].

Термин «дискурс» начинает фиксироваться в русском языке с конца XVIII столетия. Как отмечает В. В. Заложных, активное внедрение этой лексемы было обусловлено общим подъемом интереса к науке, просвещению и искусствам, охватившим российское общество в XVIII – первой трети XIX века [Заложных, 2017]. Следует отметить, что в контексте таких изысканий лексема «дискурс» употреблялась в значениях «определение», «смысл», «суждение» или «концепция», а семантика термина в тот период оставалась достаточно далекой от строгого лингвистического понимания. Л. В. Щерба

отмечает, что последовательное исследование данного феномена в отечественной науке восходит только к концу 1920-ых годов, когда в языкознание было введено понятие «сложное синтаксическое целое». Этот термин обозначает лексико-семантическую структуру, которая характеризуется внутренней семантической целостностью [Щерба, 1974].

Стоит заметить, что большое количество имеющихся трактовок понятия дискурса даёт возможность систематизировать подходы к его определению по ряду самостоятельных направлений. Как полагает Л. В. Селезнева, в русле структурно-текстового подхода представители этой концепции производят содержательное сближение понятий «дискурс», «текст» и «язык», по сути приравнивая дискурс к тексту [Селезнева, 2011]. В. А. Звегинцев обнаруживает, что при осмыслении данного понятия в рамках структурно-синтаксического подхода дискурс выступает как синтаксически связанный и внутренне цельное единство, включающее в себя два и более предложения [Звегинцев, 1976]. Н. Н. Миронова понимает дискурс как постоянный поток речи, который вбирает в себя многообразие определённой эпохи, а также индивидуальные и социальные признаки коммуниканта и непосредственной ситуации общения [Миронова, 1997]. Ю. М. Лотман, чьи труды посвящены анализу русской интеллигенции, обращает внимание на сложность определения термина «дискурс». Это объясняется тем, что автор поместил данное понятие в крайне широкое и семантически многоплановое смысловое пространство [Лотман, 1999].

В русле деятельностного подхода Е. Ф. Тарасов полагает, что имеющиеся теоретические модели речевого взаимодействия целесообразно расширить категорией «деятельность». Это формирует базу для решения ключевой задачи – достижение единства как языковой системы, так и представлений об окружающей действительности [Тарасов, 1989]. В. В. Красных трактует дискурс как речевую деятельность конкретного носителя языка и предстаёт как целостная система коммуникации [Красных, 2003].

Стоит упомянуть, что значимым свойством дискурса является двойственная программная структура. С одной стороны, это языковая программа, которая находит воплощение в применяемых средствах, а с другой – когнитивно-языковая программа, опирающаяся на языковую грамотность индивида.

Необходимо отметить, что в концепции Н. В. Иванова дискурс интерпретируется как эмпирическая форма бытования языка, фундаментальной основой которой служит речевой знак. По мнению ученого речевой знак трактуется как знаковая единица, актуализирующаяся в процессе своего коммуникативного становления, и в силу своей природы подобное становление носит интерпретационный характер [Иванов, 2018]. Следует добавить, что Е. С. Кубрякова концептуализирует дискурс как многофункциональное когнитивное явление, служащее инструментом трансляции и структурирования информации, одновременно выступая механизмом генерации нового знания [Кубрякова, 2000]. По мнению Т. Г. Поповой, дискурс – это особое языковое произведение, наделенное рядом специфических характеристик, к числу которых относятся динамичность, интерактивность и коммуникативная направленность [Попова, 2011].

Важно подчеркнуть, что в концепции Е. В. Пономаренко дискурс выступает через призму функциональной лингвосинергетики. Как отмечает Е. В. Пономаренко, в рамках данной парадигмы дискурс предстает как многомерное речемыслительное пространство, в котором по мере движения системы к аттрактору активируются механизмы автономного развития специфических смыслов [Пономаренко, 2013 (а); Пономаренко, 2013 (б); Пономаренко, 2013 (в)]. Следует подчеркнуть, что дискурсивная система интерпретируется как самоорганизующаяся структура, порождающая собственные смыслы, а осмысление дискурса раскрывает когнитивную способность сознания воспринимать объективную реальность нелинейным и синергетическим образом [Пономаренко, 2013 (а)].

Также следует отметить, что в рамках исследования дискурс можно интерпретировать как комплексный лингвистический феномен, представляющийся в виде совокупности структурно-текстовых единиц, превосходящих уровень отдельного предложения, а также высказываний, в которых реализуется взаимодействие форм и функций языковых средств. Как отмечает В. З. Демьянков, дискурс включает в себя речевые произведения, которые неразрывно связаны с заданным социокультурным и экстралингвистическим контекстом, характеризуясь как речевое формообразование, обладающее повышенной структурной сложностью [Демьянков, 2001]. Данное многоплановое культурно-коммуникативное явление выступает результатом речевых взаимодействий в социуме, а внутренняя целостность институционального дискурса детерминруется тематическим, жанровым и концептуальным измерениями [Федулова, 2020].

Вопрос типологии дискурса находится в центре внимания широкого круга исследователей. Как отмечает В. И. Карасик, выстраивающий свою типологию на основе учета социальных ролей коммуникантов, а также видов и сфер коммуникации, дискурс дифференцируется на личностно-ориентированные и статусно-ориентированные типы, причем последний, в свою очередь, делится на ситуативно-ролевой и институциональный типы дискурса [Карасик, 2000 (а); Карасик, 2002]. В рамках личностно-ориентированного дискурса В. И. Карасик выделяет две базовые разновидности: бытовую и бытийную, тогда как институциональный дискурс охватывает разнообразные социальные контакты в рамках официальной и профессиональной сфер деятельности [Карасик, 2000 (б)]. По мнению Л. С. Бейлинсон, институциональный дискурс следует трактовать как коммуникацию для удовлетворения социальных потребностей, необходимых для существования всего общества, представленных в виде системы действий, ролевых предписаний и норм поведения [Бейлинсон, 2009]. Как подчеркивает Т. ван Дейк, в узком понимании дискурс тождественен тексту или диалогу, а также охватывает конкретный жанр, уникальную

коммуникативную ситуацию и условия актуализации языковых средств [Дейк, 1989].

В. Б. Кашкин расширяет классическую типологию за счёт внедрения смешанных форм дискурса. Подобные разновидности гармонично сочетают черты как устной, так и письменной коммуникации. Опираясь на пространственно-временные параметры самого дискурсивного процесса, исследователь выстраивает жанровую классификацию. В её рамках осуществляется чёткое разграничение между жанрами коммуникативной деятельности и жанрами собственно речевого высказывания [Кашкин, 2004]. При разработке собственной классификации И. Д. Зайцева подразделяет дискурс на профессиональный и непрофессиональный. Профессиональный тип, как отмечает исследователь, содержит ряд свойственных ему признаков. Туда входит способ воспроизведения дискурса, состояние коммуниканта в моменте общения, выбранная им модель стратегии поведения, а также тип окружающей коммуникативной обстановки [Зайцева, 2010]. В свою очередь, А. П. Загнитко подразделяет дискурс на адресный и безадресный, беря за основу критерий целевой направленности. Так, к безадресной категории учёный относит художественный, научный, публицистический и другие виды дискурсивных практик [Загнитко, 2008].

Значительный интерес представляет схема классификации, разработанная О. В. Русаковой. В ней разграничение типов дискурса осуществляется по ряду ключевых параметров. Туда относят коммуникативную функцию, контекст ситуации, фактор авторства, особенности жанра и стиля, свойствам институциональности и материально-знаковую форму воплощения. По итогу, на основании этих критериев, О. В. Русакова выделяет три основные типа дискурса: академический, деловой и культурно-мировоззренческий [Русакова, 2006]. Ф. С. Бацевич основывает свою типологию на ряде основных коммуникативных параметров. Автор выделяет формы существования коммуникации в обществе, каналы передачи информации, нормы речевого поведения, приёмы

экспозиции, а также прагматические намерения участников общения. На основании этих параметров Ф. С. Бацевич разделяет дискурс на этикетный, бранный и дидактический виды. Г. Г. Почепцов строит свою типологию на обширности семиотических знаков. В рамках этой модели автор выделяет литературный, фольклорный, мифологический, ритуальный и театральный типы. Тут же Г. Г. Почепцов выделяет медиальные и институциональные практики [Почепцов, 2001]. Типология Т. Л. Музычука дифференцирует дискурс на вербальный и невербальный типы, причем невербальная разновидность трактуется как специфическое психологическое взаимодействие коммуникантов, лишенное вербальной составляющей [Музычук, 2013]. Как подчеркивает Е. В. Пономаренко, деловой дискурс и бизнес-дискурс классифицируются в качестве самостоятельных разновидностей институционального дискурса, причем функционирование данных типов коммуникации осуществляется как в устной, так и в письменной формах репрезентации [Пономаренко, 2017]. В концепции Ю. Хабермаса дискурс интерпретируется как специфическая форма коммуникации, нацеленная на непредвзятое осмысление реальности, и, опираясь на когнитивные и морально-этические критерии, исследователь дифференцирует дискурс на теоретический и практический виды [Хабермас, 2003].

Важно подчеркнуть, что из всего многообразия рассмотренных типологий наиболее продуктивной представляется концепция В. И. Карасика, в основе которой лежит фундаментальное разделение дискурса на персональный и институциональный типы. Как отмечает В. И. Карасик, предпочтение данной модели обусловлено ее концептуальной универсальностью, а в качестве базовых параметров типологизации здесь выступают сфера коммуникативного взаимодействия и социальная роль участника общения [Карасик, 2002]. Типологическая схема В. И. Карасика предоставляет надежный инструмент для четкой идентификации и категоризации различных видов дискурса, и, опираясь на предложенные

ученым критерии, можно точно классифицировать исследуемые дискурсивные феномены. По мнению М. Н. Федуловой, институциональная природа дискурса манифестируется через систему взаимосвязанных аспектов: тематический, жанровый и концептуальный, и именно их синтез обеспечивает целостность и внутреннее единство данного речевого феномена [Федулова, 2020]. Концепт выступает безусловной вершиной и центральной сердцевинной дискурсивной структуры, поскольку эта специфическая «смысловая рамка» безраздельно подчиняет себе абсолютно все единицы, формирующие дискурс, в процессе их непрерывной коммуникативной динамики. Как отмечает В. В. Колесов, дискурсивная стабильность концепта гарантируется последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа», и, закрепляясь в языковом опыте как вербальный общекультурный знак, данная ментальная сущность неразрывно связывает в себе чувственное и рациональное начала [Колесов, 2005]. Следует подчеркнуть, что дискурс накапливает массив речевых прототипов, которым впоследствии сам же подчиняется в процессе коммуникативной динамики, и именно на основе таких прототипов формируется перифрастический потенциал, позволяющий варьировать форму выражения при полном сохранении исходной функции [Федулова, 2020].

Классификация разновидностей институционального дискурса носит в значительной мере условный характер, так как они обладают исторической природой, отличаются полевым устройством и неизбежно перекрещиваются между собой. Как отмечает А. Б. Халатян, в этой связи говорить о существовании абсолютно «чистых» типов дискурса представляется некорректным, а статус отдельного вида определяется целым комплексом критериев, к которым причисляются целевые установки, ценностные ориентиры, коммуникативные стратегии и текстовые жанры [Халатян, 2019]. Каждая разновидность институционального дискурса имеет концептуальный, жанровый и тематический параметры, которые формируют его содержательный фундамент, при этом сам дискурс отличается

коммуникативной динамичностью, и каждый из названных параметров выступает дискурсогенным фактором, гарантирующим внутреннюю целостность дискурса [Федулова, 2020].

Таким образом, развитие понятия «дискурс» свидетельствует о переходе от узкой трактовки этого термина как связной цепочки высказываний к многосторонней концепции. Последняя включает в себя текст, ситуацию общения, социокультурные установки участников и идеологические воззрения. По наблюдениям В. И. Карасика, модель классификации, в основу которого положено разделение на личностный и институциональный типы дискурса, служит действенным инструментом для однозначного обнаружения и систематизации многообразных форм дискурсивной практики [Карасик, 2002]. Подчеркнём, что структурное единство институционального дискурса обусловлено его тематическим, жанровым и концептуальным измерениями. Именно это методологические основания выступают опорой для последующего анализа, проводимого настоящем диссертационном исследовании.

1.2. Соотношение категорий «речь», «текст» и «дискурс» в институциональной коммуникации

В трудах исследователей-лингвистов понятия «речь», «текст» и «дискурс» часто употребляются в качестве взаимозаменяемых. Это влечёт за собой терминологическую неопределённость и снижает методологическую точность научного исследования. Такое широкое множество подходов к определению дискурса Д. Шиффрин объясняет тем, что отдельные исследовательские направления выдвигают на первый план различные критерии речевой деятельности. Часть учёных сосредотачивает внимание на структуру высказываний, их устройство. Иные смещают фокус на взаимодействие в коммуникации. Третьи отдают приоритет социокультурным установкам и нормам использования языка [Schiffrin, 1994]. Отметим, что в рамках данной диссертационной работы требуется строгое размежевание

указанных категорий. Предмет настоящего исследования – немецкий военный фронтовой текст – располагается на стыке всех трёх понятий и поддаётся точному истолкованию только при определении их иерархического соотношения.

В языковедческой традиции понятие речи понимается главным образом как процессуальное измерение использования языка. Так, Э. Бенвенист считает, что речь (*parole/discourse*) выступает актом индивидуального воплощения системы языка говорящим. При этом определяющее значение в данном акте приобретают коммуникативные намерения адресанта и его направленность на адресата [Бенвенист, 2002]. Как подчеркивает М. М. Бахтин, речевое действие всегда диалогично по своей природе: любое высказывание является ответом на предшествующие высказывания и одновременно обращено к будущему отклику адресата [Бахтин, 1986]. Следует добавить, что Е. Ф. Тарасов расширяет понимание речи, утверждая, что речевая коммуникация не может быть адекватно описана без привлечения категории «деятельность», поскольку именно деятельностный подход обеспечивает общность языковой системы и знаний о мире у коммуникантов [Тарасов, 1989]. Таким образом, речь в настоящем исследовании понимается как процессуальная, деятельностная сторона языкового функционирования, актуализируемая в конкретных коммуникативных условиях военного института.

Важно подчеркнуть, что материальным, в языковом плане оформленным результатом речевого процесса выступает текст – законченное речевое произведение, обладающее структурной организацией, связностью и цельностью. Как отмечает Ю. Н. Караулов, текст представляет собой продукт речевой деятельности, фиксируемый в письменной или устной форме и доступный для непосредственного лингвистического анализа [Караулов, 1987]. По мнению А.-Ж. Греймаса и Ж. Курте, текст выступает своеобразным актом оппозиции по отношению к дискурсу: если дискурс охватывает всю совокупность коммуникативных условий, то текст является его

формально-структурной проекцией, доступной для сегментации и классификации [Греймас, Курте, 1983]. Следует подчеркнуть, что именно текст, в отличие от дискурса, обладает эмпирической верифицируемостью: его можно зафиксировать, транскрибировать, сегментировать и подвергнуть систематическому лингвистическому анализу. В контексте настоящего исследования немецкий военный фронтовой текст (журнал боевых действий, донесение, приказ) представляет собой конкретный, материально зафиксированный объект, доступный для верификации.

Необходимо отметить, что категория дискурса трактуется в современной лингвистике как наиболее широкая, охватывающая не только текст, но и всю совокупность экстралингвистических условий его порождения и интерпретации. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь», то есть связный текст в неразрывной совокупности с экстралингвистическими факторами: коммуникативной ситуацией, статусно-ролевыми отношениями участников и социокультурным контекстом [Арутюнова, 1990]. По мнению Т. А. ван Дейка, дискурс следует рассматривать как специфическое коммуникативное и интеракционное событие, осмысление которого выходит за пределы буквального понимания отдельного высказывания или их последовательности [Дейк, 1989]. Как подчеркивает В. В. Красных, дискурс в широком смысле концептуализируется как речевая деятельность отдельного носителя языка и выступает в роли целостной системы общения, включающей когнитивные, прагматические и социокультурные компоненты [Красных, 2003].

Следует подчеркнуть, что вопрос соотношения текста и дискурса является одним из наиболее дискуссионных в современной лингвистике. Как отмечает М. Н. Федулова, в научной литературе сосуществуют различные формулы данного соотношения: текст и дискурс соотносятся как гипоним и гипероним; текст выступает результатом дискурса; текст является элементарной единицей дискурса; дискурс представляет собой корпус текстов; а также интегральная формула «дискурс есть текст плюс ситуация»

[Одинцова, 2017; Федулова, 2020]. Важно добавить, что М. Пеше вводит понятие «интердискурса», подчеркивая, что дискурс не тождественен ни речи, ни тексту, а обладает статусом автономного феномена, генезис которого детерминирован предшествующими социально-историческими условиями [Пеше, 1999]. М. Фуко, в свою очередь, акцентирует внимание на «дискурсивной формации» как специфической интеграции высказываний, подчиненных единым правилам порождения и функционирования [Фуко, 2004].

На основе проведенного анализа концептуальных позиций в рамках настоящего диссертационного исследования устанавливается следующая иерархия базовых понятий:

Речь – процессуальный, деятельностный аспект использования языка; акт говорения в конкретных коммуникативных условиях военного института.

Текст – материальный, в языковом плане оформленный результат речевого процесса; законченное речевое произведение, обладающее структурной организацией, связностью и цельностью. В условиях военного института текст фиксируется в письменной форме (журнал боевых действий, донесение, приказ, распоряжение).

Дискурс – наиболее широкая категория, представляющая собой текст в неразрывной совокупности с экстралингвистическими факторами: коммуникативной ситуацией, статусно-ролевыми отношениями участников, институциональными нормами и социокультурным контекстом.

Таким образом, текст является материальной репрезентацией дискурса, а анализ фронтовых текстов выступает основным методом верификации дискурсивных закономерностей военного института. Подобная иерархия позволяет избежать терминологической амбивалентности и обеспечивает методологическую строгость дальнейшего эмпирического анализа.

Необходимо отметить, что данная иерархия приобретает особую значимость в контексте институциональной коммуникации, к которой относится военный дискурс. Как подчеркивает В. И. Карасик,

институциональный дискурс характеризуется жесткой статусно-ролевой регламентацией, тематической заданностью, специфической жанровой организацией и ориентацией на выполнение определенных социальных функций [Карасик, 2002]. По мнению М. Н. Федуловой, внутренняя целостность институционального дискурса детерминирована тематическим, жанровым и концептуальным измерениями [Федулова, 2020]. Не будет лишним указать, что С. А. Данилова при анализе дискурсивных свойств военного ритуального текста обосновывает его особую роль в условиях военного института. То есть, текст обретает предельную степень стандартизованности и нормативной упорядоченности, выступая ключевым проводником институциональных значений [Данилова, 2014].

Необходимо обратить внимание на то, что в ситуации строгой нормативной упорядоченности военной институции именно фронтовой текст в письменной форме выступает главной, а нередко и единственной задокументированной формой воплощения военного дискурса. Ведь как правило, устные высказывания командира – приказ, распоряжение, совещание – в боевой обстановке не сохраняются в исходном виде. Они закрепляются в письменной форме в журнале боевых действий. В этой связи немецкий фронтовой текст военного периода 1941-1942 гг. осмысливается в данной работе не в качестве обособленной языковой единицы, а в качестве материального воплощения институционального военного дискурса. Именно в тексте сосредотачиваются его лексические, синтаксические, жанровые и прагматические закономерности.

1.3. Военный дискурс как разновидность институциональной коммуникации: структура, ядро и периферия

В современном языкознании вопрос структурирования дискурсивных практик относится к числу наиболее спорных. Причиной этому служит разноплановость самого явления дискурса, а также широкое количество методологических подходов к его осмыслению. М. Н. Федулова полагает, что

концептуальная двойственность этого понятия выражается в том, что она способна объединять как статичные монологические структуры, так и динамичные цепочки актов коммуникации. В связи с этим от исследователя требуется максимально возможная точность при установлении границ и типологической принадлежности конкретного дискурсивного образования [Федулова, 2020]. Отметим, что предложенная В. И. Карасиком институциональная модель обеспечивает наиболее эффективный методологический аппарат для распознавания и описания конкретных типов дискурса, среди которых несомненное место занимает военный дискурс [Карасик, 2002]. Обращение к данной типологической модели обусловлено не только ее концептуальной универсальностью, но и необходимостью строгого разграничения персонального и институционального типов коммуникации, что имеет принципиальное значение для корректной характеристики военного дискурса как особой формы профессионально-статусного взаимодействия.

В рамках настоящего диссертационного исследования военный дискурс рассматривается как разновидность институциональной коммуникации, что предполагает обязательное обоснование подобной квалификации. По мнению В. И. Карасика, институциональный дискурс представляет собой специфическую форму взаимодействия индивидов, которая разворачивается в строго заданных статусно-ролевых границах и опирается на устойчивый комплекс правил использования языковых средств, регулярно актуализируемый в специфических условиях и контекстах [Карасик, 2000 (б)]. Как подчеркивает Л. С. Бейлинсон, институциональный дискурс следует трактовать как коммуникацию для удовлетворения социальных потребностей, необходимых для существования всего общества, представленных в виде системы действий, ролевых предписаний и норм поведения [Бейлинсон, 2009]. Т. ван Дейк, фокусируясь на институциональной стороне феномена, понимает под ним «язык в социальном взаимодействии», что подчеркивает

неразрывную связь речевой практики с социальной структурой и функциональным назначением соответствующего института [Дейк, 1989].

Таким образом, военный дискурс, функционирующий в рамках вооруженных сил как особого социального института, полностью соответствует данным квалификационным признакам: он характеризуется жесткой статусно-ролевой регламентацией, тематической заданностью, специфической жанровой организацией и ориентацией на выполнение глобальной социальной функции – обеспечения военной безопасности государства.

Необходимо отметить, что целостность институционального дискурса, согласно М. Н. Федуловой, детерминруется единством трех взаимосвязанных параметров: тематического, жанрового и концептуального [Федулова, 2020]. По мнению ученого, тематический уровень детерминирует предмет и центральную тему коммуникативного взаимодействия, жанровая составляющая задает внешнюю форму и стилистическую организацию речи, а концептуальное измерение аккумулирует идеи, понятия и смыслы, которые коммуниканты намерены транслировать или подвергнуть совместному обсуждению [Федулова, 2017]. Применительно к военному дискурсу данная трехкомпонентная структура приобретает особую выразительность и функциональную нагруженность. Тематическое ядро военного дискурса образуют проблемы функционирования вооруженных структур, ведения боевых операций, повседневной жизни военнослужащих, а также вопросы обеспечения государственной безопасности [Данилова, 2014]. Как отмечает Т. Н. Хомутова, военно-политический дискурс выделяется среди иных разновидностей институциональной коммуникации выраженной императивностью, высокой коммуникативной напряженностью и безупречной логической стройностью мысли, что напрямую детерминировано жесткой стандартизацией моделей конструирования соответствующих текстов [Хомутова, 2017]. Важно добавить, что концептуальным ядром военного дискурса, согласно Т. С. Юсуповой, служит

гиперконцепт «война», который структурируется системой субконцептов, включающих конфликт, вооруженные действия, участников боевых операций и применяемое вооружение [Юсупова, 2009]. Как подчеркивает В. В. Колесов, концепт выступает безусловной вершиной и центральной сердцевинной дискурсивной структуры, поскольку эта специфическая «смысловая рамка» безраздельно подчиняет себе абсолютно все единицы, формирующие дискурс, в процессе их непрерывной коммуникативной динамики [Колесов, 2005].

Следует подчеркнуть, что военный дискурс обладает рядом уникальных атрибутов, отличающих его от других разновидностей институциональной коммуникации. По мнению А. В. Уланова, к числу фундаментальных специфических черт данного дискурса относятся: 1) надвременной и одновременно ситуативно-актуальный характер, поскольку речевое взаимодействие в армейской среде существует перманентно, однако каждая конкретная историческая эпоха наделяет его уникальным своеобразием; 2) выраженная маскулинная доминанта семантики, поскольку смысловое поле данного дискурса обладает яркой гендерной окрашенностью; 3) тесная интеграция со смежными дискурсивными практиками, в частности с военно-политическим дискурсом; 4) хронотопная обусловленность, проявляющаяся в неразрывном сопряжении армейского языка с пространственно-временными координатами; 5) институциональный авторитет, поскольку вся деятельность военных жестко подчинена вышестоящему командованию [Уланов, 2012; Уланов, 2013]. Согласно Ю. Н. Сдобновой, военный дискурс следует трактовать как специфическое институциональное речепроизводство, подчиненное строгому регламенту вооруженных сил, которое аккумулирует в себе всевозможные коммуникативные реализации и неразрывно связано с комплексом прагматических, психологических и социокультурных факторов [Сдобнова, 2014]. Важно добавить, что по данным Д. Р. Фахрутдиновой, армейская среда пронизана жесткими иерархическими связями, что неизбежно обуславливает

предельную регламентацию речевое поведение военнослужащих и формирование устойчивого репертуара речевых жанров, к числу базовых стандартов которого исследовательница относит команду, рапорт, развернутый приказ и воинское приветствие [Фахрутдинова, 2008 (б)].

В. И. Карасик обнаруживает, что такая коммуникативная особенность непосредственно обусловлена тесной сопряжённостью военного дискурса со стратегией и тактикой ведения боевых действий. Кроме того, в большинстве случаев она определяется строго закрытым характером смыслового ядра конкретно этого дискурса [Карасик, 2002]. Вдобавок к этому Л. А. Шашок полагает, что в текстах, составляющих базу военного дискурса, ярко отражается императивность того или иного выражения и высокой коммуникативной напряжённостью. Такие свойства обусловлены строгой стандартизацией моделей построения подобных текстов [Шашок, 2018]. Особенности участников общения в военном дискурсе обнаруживаются в чётко выраженной ролевой асимметрии. Отправитель сообщения приобретает абстрактный и институциональный характер. Получатель, в свою очередь, имеет однозначное наименование и непосредственно указан в тексте. Это обеспечивает высокую степень стандартизации, предельную лаконичность и наибольшую плотность текста по части информативности [Стрелковский, 1979].

Институциональная сущность дискурса обладает таким отчётливо выраженным признаком как градуальность. Из-за этого языковое воплощение варьируется от весьма строгому следованию терминологическому единству до существенно более свободных форм словесного выражения. С. А. Данилова считает, что наиболее жёсткие проявления подобной институциональности, как правило, характерны для классических «ритуальных» ситуаций. Последние строго упорядочиваются соответствующими жанрами текста [Данилова, 2015]. К числу таких ритуалов в военном дискурсе относят церемонию приведения к присяге, смену караула, доклад командира о боевой обстановке, постановку боевой задачи и допрос

военнопленных. Стоит заметить, что одна из черт периферийных ситуаций – допустим, неформальная беседа в пределах одного социального института – отражается посредством более свободных форм речевого воплощения. В них институциональное начало тесно сочетается с разговорными моделями речи и обретает отчётливые коммуникативно-личностные черты [Данилова, 2015]. Подчеркнём, что при переходе в пространство неформального диалога институциональный дискурс приобретает штрихи личностного дискурса. Его выразительный арсенал заметно обогащается образными, описательными, эмоционально окрашенным и псевдотерминологическими сленговыми дублетами. При этом смысловое и концептуальное ядро высказывания неизменно одерживает верх.

С учётом вышеуказанных особенностей в структуре институционального дискурса традиционного обособляются две области: периферийную и центральную, играющего роль ядра. О. А. Погорецкая в своих трудах обращает внимание на то, что зоне ядра присуща высокая степень терминологической строгости. Эта строгость и передаёт концептуальную направленность дискурса, прямо поддерживая базовые тематические установки и жанровую устойчивость текстов [Погорецкая, 2021]. Исследователь указывает, что признаками ядра являются относительная статичность и концептуально-тематическая самодостаточность. Периферия же, напротив, проявляется в значительной подвижности, вариативности, семантической избыточности. Позиция Е. Н. Белых, в свою очередь, заключается в том, что в тематическом и концептуальном и тематическом отношениях ядро отвечает за регуляцию дискурса. Это говорит о том, что периферийная зона достаточно вторична, даже в тех случаях, когда доля ядра в общем объёме коммуникативных актов идёт вниз [Белых, 2019]. Подчеркнём, что фундаментальную основу ядра составляют особые языковые единицы и элементы профессионального речевого узуса. Эти элементы обеспечивают тематически направленную

коммуникацию в военной сфере, не забывая о соблюдении системно-классификационной организации.

Неотъемлемым компонентом институционального дискурса, включая военный, является профессиональная лексика. О. А. Морозова считает, что профессиональный язык встроен в единую коммуникативную систему конкретной социальной или профессиональной группы. Он вбирает в себя совокупность языковых средств, используемых в речевом общении внутри определённого профессионального сообщества [Морозова, 2006]. В. Н. Шевчук подчёркивает необходимость выделения военного термина как самостоятельной категории. Исследователь понимает его как особую разновидность научного термина, употребляемую только в пределах языка военной науки или узконаправленного подязыка [Шевчук, 1985]. Необходимо отметить, что ключевым атрибутом данной лексической единицы выступает ее системность, а также свойство дефинитивности, которое присуще не только для военной лексики, но и для всей научной терминологии в целом. Следует также добавить, что по данным Б. Л. Бойко, специальная военная лексика способна утрачивать строгость и точность своих исходных значений, что наиболее ярко проявляется при передаче военных понятий в средствах массовой информации, где узкоспециализированные единицы активно ассимилируются общелитературным языком [Бойко, 2018 (б)].

Согласно Б. Л. Бойко, военный профессиональный жаргон занимает промежуточную нишу в системе военной лексики, располагаясь в интервале между строгой официальной терминологией и общим военным жаргоном [Бойко, 2018 (а)]. Как отмечает исследователь, лексические единицы данного пласта относятся к разговорному регистру и образуют специфический массив слов, основная функция которых заключается в замещении официальных понятий. Следует добавить, что по данным С. И. Дубинина, модельная личность «солдата вермахта», конструируемая в двуязычных словарях и разговорниках, отражает определенную аксиологическую систему,

легитимирующую агрессию, что особенно ярко проявляется в идеологически маркированной лексике, проникающей даже в сугубо функциональные документы оперативного учета [Дубинин, 2015 (б); Дубинин, 2016]. В. Клемперер отмечает, что нацистский дискурс систематически трансформирует семантику нейтральных слов, насыщает тексты оценочными штампами и создает эвфемистические конструкции, маскирующие реальные практики насилия и оккупации, что в военном контексте институционализируется в форме «дискурса завоевателя» [Клемперер, 1998]. Как подчеркивает С. А. Киселева, эвфемизация становится одним из ключевых инструментов легитимации агрессии и маскировки преступных практик в военном дискурсе [Киселева, 2015].

Жанровая организация военного дискурса также свидетельствует о его институциональной природе. По мнению Д. Р. Фахрутдиновой, типология жанров военного дискурса должна опираться на статусно-ролевые отношения участников коммуникации, что позволяет дифференцировать векторы коммуникативного взаимодействия внутри военной сферы на три ключевых направления: 1) «Военный институт – общество», материализующееся в текстах военной доктрины и публичных выступлениях; 2) «Гражданин – институт», находящее выражение в текстах военной присяги и официальных обращениях; 3) «Общество – институт», реализуемое посредством публицистических текстов и информационных сообщений [Фахрутдинова, 2008 (б)]. Прагматический потенциал текстов военного дискурса неразрывно связан с задачами администрирования, а все коммуникативные акты в этой сфере подчинены единой глобальной цели – гарантированию военной безопасности государства [Фахрутдинова, 2008 (а)]. Важно добавить, что по данным О. А. Калашниковой и А. В. Самойловой, военно-научный текст представляет собой знаковую систему, фиксирующую информацию о военной деятельности и предназначенную для передачи знаний, команд, отчетных данных или идеологического воздействия, что подчеркивает

функциональную детерминированность жанровых форм военного дискурса [Калашникова, Самойлова, 2021].

Необходимо отметить, что на протяжении всей своей истории военный дискурс находился в состоянии непрерывной эволюции, динамика которой напрямую определялась объективными процессами, происходившими внутри вооруженных сил. По мнению И. А. Курбакова, регулярной трансформации подвергались организационно-штатная структура армии, система воинских званий, а также символика и знаки различия на обмундировании, параллельно с этим на вооружение поступали новейшие образцы боевой техники, и все эти структурные и технологические сдвиги неизбежно находили свое непосредственное отражение в арсенале используемой военной терминологии [Курбаков, 2019]. По мнению А. В. Уланова, военный дискурс обладает выраженной географической спецификой, которая определяется двумя группами факторов: иноязычным фоном, включающим влияние национальной культуры и психоэмоциональные особенности языковой картины мира военнослужащих различных национальностей, и внутренним языковым пространством дискурса, к которому относятся экзотические наименования, региональные диалектизмы и лексические обозначения местных реалий [Уланов, 2014]. Региональный анализ лексического состава военного дискурса открывает широкие возможности для выявления уникальных черт эволюции специальных языков на географической периферии и фиксации их универсальных и локальных свойств.

Таким образом, подводя итог характеристике военного дискурса как разновидности институциональной коммуникации, необходимо констатировать, что данная коммуникативная практика опирается на уникальную терминологическую базу и обладает рядом специфических атрибутов, к числу которых относятся вневременной и одновременно ситуативно-актуальный характер, выраженная маскулинная доминанта, хронотопность, а также тесная интеграция со смежными дискурсивными

сферами. По мнению Е. И. Шейгал, военный дискурс представляет собой одну из фундаментальных разновидностей институционального дискурса, в рамках которой функционирует строго определенная система профессионально ориентированных языковых знаков, что неизбежно детерминирует формирование особого подязыка [Шейгал, 2000]. Как отмечает Н. К. Гарбовский, в условиях современных локальных конфликтов именно дискурс берет на себя критически значимую функцию, оказывая влияние на коммуникационные процессы как прямым, так и опосредованным образом [Гарбовский, 2020]. Необходимо отметить, что в функционально-коммуникативном плане данный тип дискурса направлен на обеспечение речевого взаимодействия в условиях жесткой военной субординации и строгого регламентирования служебных отношений, а структурно он дифференцируется на формальный и неформальный сегменты, между которыми формируется промежуточная междискурсивная категория. Структурная организация военного дискурса, включающая относительно инертное ядро (строгая терминология, уставные жанры, концептуальные установки) и подвижную периферию (профессиональный сленг, жаргонизмы, экспрессивные средства, адаптивные формы), создает необходимую основу для перехода к анализу конкретной текстовой репрезентации данного дискурса – военному фронтовому тексту, который, находясь на пересечении нормативно-уставного и адаптивного сегментов, представляет собой особый тип гибридной коммуникации, функционирующей в условиях экстремальной прагматической детерминированности. Как отмечает Т. С. Юсупова, структурные особенности военного дискурса определяются его иерархичностью, регламентированностью и целеполаганием, что находит прямое отражение в характеристиках фронтового текста как особой знаковой системы, порождаемой в условиях боевых действий [Юсупова, 2009].

1.4. Немецкий военный фронтовой текст как материальная репрезентация военного дискурса

Понятие «военный фронтовой текст» требует строгого разграничения с более широкими категориями «военный текст» и «военный дискурс». По определению О. А. Калашниковой и А. В. Самойловой, военно-научный текст представляет собой «знаковую систему, фиксирующую информацию о военной деятельности и предназначенную для передачи знаний, команд, отчетных данных или идеологического воздействия» [Калашникова, Самойлова, 2021]. Необходимо отметить, что фронтовой текст обладает рядом уникальных черт, обусловленных экстремальными условиями его создания: ограничением во времени, высокой степенью ответственности за точность передачи информации, психоэмоциональным напряжением автора, а также спецификой адресата (командование, сослуживцы, тыловые инстанции). Как подчеркивает Т. В. Матвеева, функциональные стили реализуются через систему текстовых категорий, среди которых центральное место занимают категориальность цели, адресованность и ситуативность [Матвеева, 1990]. В условиях военных действий на фронте эти категории приобретают предельную конкретизацию: текст создается не для эстетического воздействия или научного обобщения, а для решения оперативных задач – передачи приказа, донесения о ситуации, координации действий подразделений.

Следует подчеркнуть, что функциональная детерминированность фронтового текста определяет выбор функционально-смысловых типов речи. По мнению О. А. Нечаевой, базовыми логическими категориями типа речи выступают повествование, описание и рассуждение, каждое из которых реализуется через специфические синтаксические конструкции [Нечаева, 1974]. Как показывает анализ фронтовых документов, именно эти три типа речи доминируют в немецкой военной документации 1941–1942 гг.: оперативное донесение тяготеет к повествованию, аналитическая сводка – к рассуждению, схема или карта местности – к описанию. Важно добавить, что доминирование повествования и описания в фронтовых текстах обусловлено прагматической установкой на фиксацию фактов и координацию действий,

тогда как рассуждение используется преимущественно в аналитических донесениях высшего командного состава, где требуется обоснование командирских решений.

Еще одной важной чертой фронтового текста является его структурная стандартизация. Как отмечает Ю. Ю. Дуброва, военный дискурс характеризуется высокой степенью унификации языковых средств, что проявляется в использовании устойчивых клише, шаблонных конструкций и многокомпонентных терминов [Дуброва, 2015]. Эта тенденция усиливается в фронтовых условиях, где время на формулирование мысли ограничено, а риск двусмысленной интерпретации недопустим. По мнению Г. М. Стрелковского, стандартизация военного текста служит не только удобству коммуникации, но и обеспечивает безопасность, а именно, четкая структура донесения минимизирует вероятность ошибок при передаче команд [Стрелковский, 1979]. Именно в этой стандартизации проявляется институциональная природа дискурса, а именно, текст подчиняется нормативным установкам вермахта, воспроизводит жанровые формы, закрепленные в уставах и наставлениях, и одновременно адаптируется к ситуативным требованиям фронтовой обстановки.

Следует подчеркнуть, что третьей отличительной особенностью фронтового текста является лаконизм и информативная плотность. Как справедливо отмечает С. И. Дубинин, анализируя речевой репертуар военнослужащих, в военном контексте наблюдается тенденция к речевой экономии, которая становится не стилистическим приемом, а коммуникативной необходимостью [Дубинин, 2015 (а)]. Необходимо отметить, что фронтовой текст тяготеет к эллиптическим конструкциям, опущению второстепенных членов предложения, использованию аббревиатур и условных обозначений. По мнению Ю. А. Бельчикова, эллипсис в подобных текстах выполняет функцию полного отражения действительности при использовании минимума средств [Бельчиков, 2000]. Такая компрессия информации, однако, не снижает ее точности. Напротив, каждое слово в

фронтовом донесении несет высокую семантическую нагрузку, что соответствует принципу «максимум информации при минимуме средств», сформулированному в теории функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко, 1983].

Четвертой характеристикой фронтового текста является жанровая специфика. Опираясь на теорию речевых жанров М. М. Бахтина, можно утверждать, что военный фронтовой текст реализуется в ограниченном наборе жанровых форм: приказ, боевое донесение, донесение о потерях, полевая почта, шифрограмма, журнал боевых действий [Бахтин, 1996]. Как показывает анализ полевой почты, проведенный К. А. Килианом, даже личные письма солдат с фронта подчиняются определенным дискурсивным ограничениям: цензурные требования, самоцензура, необходимость поддерживать боевой дух адресата формируют особый гибридный жанр, сочетающий черты официального и частного дискурса [Kilian, 2001]. Необходимо отметить, что каждый из этих жанров обладает устойчивой композиционной структурой, набором обязательных реквизитов и специфическими языковыми маркерами, что делает фронтовой текст предсказуемым для реципиента и облегчает его декодирование в условиях экстремальной коммуникации.

Пятой особенностью фронтового текста является терминологическая насыщенность и специфика лексики. По мнению Ю. Ю. Дубровой, многокомпонентные термины в военном дискурсе обладают повышенной степенью семантической устойчивости и контекстуальной независимости [Дуброва, 2015]. Следует добавить, что в условиях фронта наблюдается активное использование сокращений, условных обозначений и жаргонизмов, что находит отражение в специализированных словарях, таких как «Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch» (1941), где лексический отбор, переводческие эквиваленты и коммуникативные сценарии подчинены не только практическим задачам взаимодействия с местным населением, но и идеологическим установкам оккупационного аппарата [DRSW, 1941].

Лексический состав фронтового текста также отличается преобладанием глаголов действия, императивных форм и оценочной лексики с выраженной модальностью долженствования и необходимости.

Следует подчеркнуть, что шестой характеристикой фронтового текста является синтаксическая специфика. Как отмечает Е. П. Лушева в своем исследовании немецких военных текстов, к особенностям синтаксиса относятся преобладание простых предложений, использование назывных конструкций, инверсия и парцелляция для актуализации ключевой информации [Лушева, 1991]. Важно добавить, что эти приемы обеспечивают быстрое восприятие текста и снижают когнитивную нагрузку на реципиента в условиях стресса. Как подчеркивает И. С. Попова, для фронтовых текстов характерно также широкое использование прямой речи и цитирования как способа передачи команд и свидетельских показаний [Попова, 2009]. Синтаксическая организация фронтового текста строго подчинена императивной функции и оперативности восприятия, что делает его максимально адаптированным к условиям экстремальной коммуникации.

Необходимо отметить, что военный фронтовой текст не существует в изоляции, он включен в более широкий контекст институционального военного дискурса, описанного В. И. Карасиком [Карасик, 2002], и взаимодействует с другими его разновидностями – учебным, научным, пропагандистским. Как подчеркивает Т. С. Юсупова, структурные особенности военного дискурса определяются его иерархичностью, регламентированностью и целеполаганием [Юсупова, 2009], что находит прямое отражение в характеристиках фронтового текста. Следует также добавить, что именно в этой включенности в институциональный контекст проявляется диалектика текста и дискурса: дискурс задает правила порождения текста, а текст, в свою очередь, материализует и одновременно трансформирует дискурсивные нормы.

Также нельзя игнорировать идеологическую составляющую фронтового текста, особенно в контексте тоталитарных режимов. Как

подробно анализирует В. Клемперер, нацистский дискурс систематически трансформирует семантику нейтральных слов, насыщает тексты оценочными штампами и создает эвфемистические конструкции, маскирующие реальные практики насилия и оккупации [Клемперер, 1998]. По мнению С. И. Дубинина, модельная личность «солдата вермахта», конструируемая в двуязычных словарях и разговорниках, отражает определенную аксиологическую систему, легитимирующую агрессию [Дубинин, 2015 (б); Дубинин, 2016]. В военном контексте эта тенденция институционализируется в форме того, что С. И. Дубинин определяет как «дискурс завоевателя» [Дубинин, 2015 (б)]. Как отмечает В. В. Максимова, эвфемизация и метафоризация становятся инструментами легитимации агрессии и маскировки преступных практик [Максимова, 2024].

Следует подчеркнуть, что период 1941–1942 гг. в истории немецкой военной коммуникации характеризуется качественной трансформацией языковых практик вермахта, обусловленной началом операции «Барбаросса», переходом к масштабным боевым действиям на восточном фронте и максимальной институционализацией военного языка в условиях тоталитарного режима. Как отмечает Г. Боог, в этот отрезок времени немецкая военная речь перестает быть исключительно инструментом тактического управления и превращается в сложный дискурсивный механизм, сочетающий нормативную регламентацию, идеологическую маркированность и экстремальную прагматическую адаптацию [Boog, 1979]. Идеологическая детерминация военной речи 1941–1942 гг. находит прямое выражение в проникновении языка Третьего рейха (LTI) в профессиональную коммуникацию, что подробно анализирует В. Клемперер [Клемперер, 1998]. В военном контексте эта тенденция институционализируется в форме «дискурса завоевателя», конструирующего образ «солдата вермахта» как «оруженосца нации» [Дубинин, 2016].

Следует подчеркнуть, что терминологическая система немецкой военной речи 1941–1942 гг. демонстрирует высокую продуктивность и

структурную устойчивость. По данным М. Д. Степановой, преобладают сложные существительные с компонентами -führung (управление, ведение), -bekämpfung (борьба, уничтожение), -sicherung (обеспечение, охрана), -einsatz (применение, операция), которые фиксируют тактическую и организационную специфику вермахта [Степанова, 1953]. Как отмечает А. М. Таубе, активно формируется слой аббревиатур и условных обозначений (OKH, OKW, Stuka, Panzer, Lw, Flak), что соответствует принципу речевой экономии, продиктованному экстремальными условиями поля боя [Таубе, 1945]. Параллельно наблюдается интенсивная жаргонизация полевой речи (Landser-Sprache), выполняющая социально-психологическую функцию: снижение стрессового напряжения, маркирование групповой принадлежности и компенсация недостаточности официальной терминологии в новых условиях восточного театра военных действий [Kilian, 2001].

Важно подчеркнуть, что синтаксическая организация немецких военных текстов 1941–1942 гг. строго подчинена императивной функции и оперативности восприятия. Как отмечает Е. П. Лушева, анализируя синтаксис немецких военно-политических и боевых документов, наблюдается доминирование простых предложений, назывных конструкций, инверсии и парцелляции, используемых для актуализации ключевой информации [Лушева, 1991]. Приказы, донесения и оперативные сводки характеризуются эллипсисом второстепенных членов предложения, широким использованием модальных конструкций с долженствованием (haben zu + Infinitiv, müssen, sollen) и безличных форм, что минимизирует субъективность и подчеркивает институциональный характер распоряжения. Как подчеркивает Н. К. Гарбовский, прагматика коммуникации выстроена по жесткому иерархическому принципу: текст адресуется конкретному исполнителю в рамках уставной цепочки подчинения, что исключает вариативность интерпретации и требует однозначного декодирования [Гарбовский, 2020].

Необходимо отметить, что закономерности функционирования немецкой военной речи 1941–1942 гг. можно свести к четырем основным принципам:

- 1) Идеологическая детерминированность: языковые средства отбираются и трансформируются в соответствии с доктринальными установками режима; эвфемизация и метафоризация становятся инструментами легитимации агрессии и маскировки преступных практик [Клемперер, 1998; Максимова, 2024].
- 2) Функциональная компрессия: максимизация информативной плотности при минимизации языковых средств достигается за счет аббревиации, эллипсиса, терминологизации и клиширования формул [Лушева, 1991].
- 3) Жанровая стандартизация: жесткая регламентация композиционных схем приказов, донесений, журналов боевых действий обеспечивает унификацию коммуникации в масштабах многомиллионной армии [Юсупова, 2009].
- 4) Адаптивная вариативность: возникновение фронтовых жаргонизмов, ситуативных калькировок и диалектных вкраплений компенсирует разрыв между нормативным языком уставов и реальной практикой полевой коммуникации [Boog, 1979].

Необходимо отметить, что в 1941–1942 гг. происходит не просто накопление терминов, а системная перестройка всей языковой модели военного общения. Как показывают исследования Г. М. Стрелковского, адекватное восприятие и перевод немецких военных текстов этого периода невозможны без учета дискурсивного фона, то есть, знания тактической обстановки, уставных норм, историко-идеологического контекста и специфики оккупационного взаимодействия [Стрелковский, 1979]. Именно в этот период закладывается тот лингвистический каркас, который впоследствии будет реплицироваться в послевоенных исследованиях военной терминологии и дискурсивных практик вермахта [Таубе, 1945]. Выявленные закономерности и специфика лексико-семантического аппарата создают

необходимый эмпирический и теоретический фундамент для последующего анализа конкретных текстовых корпусов, а также для исследования механизмов взаимодействия языка, дискурса и исторической реальности в условиях военного конфликта.

Таким образом, немецкий военный фронтовой текст 1941–1942 гг. представляет собой исторически обусловленный лингвокоммуникативный феномен, в котором переплетаются нормативная регламентация, идеологическая ангажированность и экстремальная прагматическая адаптация. Как отмечает Ю. В. Ирхин, дискурс-анализ в подобных случаях требует многоуровневого подхода, учитывающего как внутренние языковые структуры, так и внешние экстралингвистические детерминанты [Ирхин, 2014].

Выводы по Главе 1

Проведенное теоретическое исследование позволило установить концептуальные, типологические и структурно-функциональные параметры военного дискурса, а также выявить специфику немецкого военного фронтового текста периода 1941–1942 гг. На основе анализа научной литературы и лингвистических парадигм можно сформулировать следующие основные выводы:

- 1) Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен. Дискурс интерпретируется не просто как связный текст, а как сложное многомерное явление, включающее в себя текст, экстралингвистический контекст, коммуникативную ситуацию и социокультурные установки участников. Текст и дискурс находятся в состоянии диалектического взаимопорождения: дискурс задает жесткие правила, нормы и жанровые рамки, а текст выступает материализованным результатом этих правил, который в экстремальных условиях способен модифицировать саму дискурсивную реальность.
- 2) Институциональная природа и структура военного дискурса. Опираясь на типологию В. И. Карасика, военный дискурс классифицирован как разновидность институционального дискурса. Его целостность обеспечивается единством тематического, жанрового и концептуального параметров. Структура военного дискурса неоднородна и включает в себя относительно инертное ядро (строгая терминология, уставные жанры, концептуальные установки) и подвижную периферию (профессиональный сленг, жаргонизмы, экспрессивные средства, адаптивные формы), которая, обладая жанровой и выразительной свободой, концептуально и тематически подчинена ядру.
- 3) Специфика военной коммуникации. Военный дискурс обладает рядом уникальных атрибутов, отличающих его от других институциональных практик: выраженной императивностью, жесткой статусно-ролевой иерархичностью, хронотопной привязкой, маскулинной доминантой и высокой степенью интертекстуальности. Коммуникация в данной сфере

строго регламентирована и подчинена глобальной цели обеспечения военной безопасности и управления войсками, что обуславливает лаконизм, информативную плотность и стандартизацию языковых средств.

4) Военный фронтовой текст как особый тип коммуникации. Фронтовой текст представляет собой специфическое знаковое произведение, порождаемое в условиях экстремального психоэмоционального напряжения и дефицита времени. Его ключевыми характеристиками являются функциональная детерминированность (решение оперативных задач), структурная унификация, синтаксическая компрессия (эллипсис, парцелляция, назывные конструкции) и доминирование модальности долженствования.

5) Лингвокоммуникативная специфика немецкого военного дискурса (1941–1942 гг.). Немецкая военная речь указанного периода представляет собой исторически обусловленный феномен, в котором переплелись нормативная регламентация вермахта, идеологическая ангажированность тоталитарного режима и экстремальная прагматическая адаптация к условиям Восточного фронта.

6) Идеологическая детерминированность проявилась в проникновении языка Третьего рейха (LTI) в военную сферу, формировании «дискурса завоевателя» и использовании эвфемизмов для легитимации агрессии.

7) Функциональная компрессия и жанровая стандартизация обеспечили унификацию управления многомиллионной армией.

8) Адаптивная вариативность выразилась в активной жаргонизации полевой речи (Landser-Sprache), возникновении ситуативных неологизмов и семантических сдвигов, компенсирующих разрыв между уставной нормой и реалиями боевых действий.

Таким образом, теоретико-методологический базис, выстроенный в первой главе, позволяет рассматривать немецкий военный фронтовой текст 1941–1942 гг. не как изолированное языковое явление, а как продукт сложного институционального дискурса, находящегося под мощным влиянием идеологии, экстремальной ситуации и профессиональной военной

культуры. Сформулированные параметры и выявленные закономерности создают необходимую основу для перехода к эмпирическому анализу конкретных текстовых корпусов и лингвостилистических особенностей немецкой военной речи указанного периода во второй главе диссертации.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ВОЕННОГО ФРОНТОВОГО ТЕКСТА (1941–1942 гг.)

2.1. Общая характеристика материала исследования и методика анализа

Эмпирическая база настоящего диссертационного исследования сформирована на материале немецких военных фронтовых документов периода 1941–1942 гг., представляющих собой ценный источник для лингвистического анализа военной коммуникации в условиях экстремальной прагматической детерминированности. Следует подчеркнуть, что выбор именно данного исторического отрезка обусловлен рядом фундаментальных обстоятельств: началом операции «Барбаросса» и переходом вермахта к масштабным боевым действиям на восточном фронте, максимальной институционализацией военного языка в условиях тоталитарного режима, а также качественной трансформацией языковых практик, зафиксированной в работах В. Клемперера и С. И. Дубинина [Клемперер, 1998; Дубинин, 2015 (б); Дубинин, 2016]. Как отмечает Г. Боог, указанный период характеризуется системной перестройкой всей языковой модели военного общения, где нормативная регламентация, идеологическая ангажированность и экстремальная прагматическая адаптация формируют уникальный лингвокоммуникативный феномен [Boog, 1979].

Фактологическую основу исследования составил корпус архивных документов, полученных в рамках научного проекта «Неизвестная история подвига советских солдат в годы Великой Отечественной войны (перевод немецкоязычных фронтовых документов)», реализуемого на факультете лингвистики Вятского государственного университета в сотрудничестве с Кировской областной молодежной поисковой организацией «Долг» и Музейно-выставочным комплексом «Плацдарм».

Центральное место в корпусе исследуемых материалов занимает журнал боевых действий (Kriegstagebuch) 1-й горнострелковой дивизии

вермахта (1. Gebirgs-Division) за период 1941–1942 гг. По мнению Г. М. Стрелковского, журналы боевых действий представляют собой наиболее информативный и репрезентативный вид военной документации, поскольку они аккумулируют в себе оперативную информацию о ходе боевых действий, тактических решениях командования, взаимодействии подразделений и оценке противника [Стрелковский, 1979]. Как отмечает К. А. Килиан, подобные документы обладают уникальной дискурсивной спецификой: с одной стороны, они подчинены строгой институциональной регламентации и жанровой стандартизации, с другой – отражают адаптивную вариативность полевой речи, возникающую в условиях экстремальной коммуникации [Kilian, 2001]. Следует подчеркнуть, что 1-я горнострелковая дивизия была выбрана в качестве объекта исследования не случайно: данное соединение принимало активное участие в боевых действиях на Восточном фронте, включая операции в Заполярье, на Северо-Западном направлении и на Кавказе, что обеспечивает разнообразие коммуникативных ситуаций и тактических контекстов в анализируемых документах.

Необходимо отметить, что корпус документов включает в себя следующие категории текстовых материалов:

- 1) Журнал боевых действий (Kriegstagebuch) – основной массив документов, фиксирующий хронологию событий с точностью до минуты, приказы командования, донесения подразделений, сводки о потерях и трофеях.
- 2) Оперативные приказы (Korpsbefehl, Divisionsbefehl) – директивные документы нисходящей коммуникации, отражающие иерархию управления и постановку боевых задач.
- 3) Донесения (Meldung, Abendmeldung, Morgenmeldung) – документы восходящей коммуникации, содержащие информацию о тактической обстановке, результатах боевых действий и состоянии подразделений.

- 4) Сводки связи (Fernspruch, Funkspruch) – телеграфные и радиотелеграфные сообщения, характеризующиеся максимальной компрессией информации.
- 5) Записи совещаний и переговоров (Besprechung, Gespräch) – документы горизонтальной и вертикальной коммуникации, фиксирующие коллективное принятие решений и устные распоряжения.
- 6) Полевая почта (Feldpost) – материалы личного общения военнослужащих, сочетающие черты официального и приватного дискурса.

Объем корпуса составляет более 2500 страниц машинописного текста, что обеспечивает статистическую репрезентативность выборки и позволяет выявить устойчивые языковые закономерности. Как отмечает М. Н. Федулова, достаточный объем корпуса является необходимым условием для проведения системного дискурс-анализа, поскольку именно на большом массиве текстовых данных проявляются концептуальные, тематические и жанровые параметры дискурса [Федулова, 2020]. Следует добавить, что хронологические рамки исследования (1941–1942 гг.) охватывают критический период Восточной кампании: от начала операции «Барбаросса» до окончания битвы за Кавказ, что позволяет проследить динамику языковых практик в условиях меняющейся тактической обстановки.

Методологическая основа исследования сочетает общие методы научного познания (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специальные лингвистические методы, отобранные с учетом специфики материала и поставленных исследовательских задач. Как отмечает В. И. Карасик, комплексный анализ институционального дискурса требует интеграции различных методологических подходов, позволяющих раскрыть его тематические, жанровые и концептуальные параметры [Карасик, 2002]. В рамках настоящего исследования применяются следующие методы:

1. Контекстуальный анализ используется для выявления лексико-семантических и морфологических особенностей военной речи, позволяющих установить связь между языковыми единицами и

экстралингвистическими факторами: тактической обстановкой, иерархией командования, идеологическими установками режима. По мнению В. З. Демьянкова, контекстуальный анализ является необходимым инструментом интерпретации дискурсивных феноменов, поскольку именно в контексте раскрывается прагматический потенциал языковых средств [Демьянков, 2001].

2. Описательный метод применяется для разъяснения речевых и жанровых особенностей фронтового текста, включая классификацию речевых жанров, описание синтаксических конструкций и выявление лексико-грамматических маркеров институциональной иерархии. Как отмечает Т. Г. Попова, описательный метод позволяет зафиксировать объективные характеристики дискурсивного материала и систематизировать их в виде классификационных схем [Попова, 2013].

3. Сравнительно-сопоставительный метод используется для выявления внутридискурсивных и междискурсивных различий, в частности для сопоставления языковых практик различных периодов Восточной кампании, для сравнения документов нисходящей, восходящей и горизонтальной коммуникации, а также для сопоставления немецкого военного дискурса с другими разновидностями институциональной коммуникации. Следует подчеркнуть, что данный метод обеспечивает возможность установить как универсальные, так и специфические черты немецкого фронтового текста 1941–1942 гг.

4. Функционально-стилистический анализ направлен на выявление функциональной нагрузки языковых средств в условиях военной коммуникации, в частности на установление связи между синтаксическими конструкциями и логическими категориями типов речи (конъюнкция, атрибуция, импликация), между залоговыми формами и маркированием институциональной иерархии, между лексическим выбором и прагматическими задачами документа. Как отмечает Е. И. Шейгал, функционально-стилистический анализ является ключевым методом

исследования политического и военного дискурса, поскольку он позволяет раскрыть механизмы речевого воздействия и конструирования реальности [Шейгал, 2000].

5. Ономасиологический подход на основе теории функционально-семантического поля применяется для анализа терминологической системы немецкой военной речи, выявления словообразовательных моделей и установления семантических связей между единицами военной лексики. По мнению В. Н. Шевчука, ономасиологический подход обеспечивает возможность рассмотреть военную терминологию как системное образование, где каждая единица занимает определенное место в иерархии понятий [Шевчук, 1985].

6. Аспектный подход с историко-биографической составляющей учитывает экстралингвистические условия формирования военного дискурса в 1941–1942 гг.: идеологический контекст Третьего рейха, тактическую специфику Восточного фронта, особенности взаимодействия вермахта с союзными войсками (румынскими, итальянскими, венгерскими), а также эволюцию языковых практик по мере развития боевых действий. Как отмечает А. В. Уланов, аспектный подход позволяет выявить хронотопную обусловленность военного дискурса и проследить его динамику в конкретной исторической ситуации [Уланов, 2014].

Интеграция перечисленных методов обеспечивает комплексный характер исследования и позволяет рассмотреть немецкий фронтовой текст как многомерный лингвистический феномен, в котором переплетаются нормативная регламентация, идеологическая ангажированность и экстремальная прагматическая адаптация. Следует добавить, что триангуляция методов минимизирует риски субъективной интерпретации и повышает валидность полученных результатов, что соответствует современным стандартам дискурс-анализа.

Необходимо отметить, что работа с архивными материалами сопряжена с рядом методологических и этических сложностей. Во-первых,

оригинальные документы написаны на готическом шрифте и содержат специфические сокращения, условные обозначения и жаргонизмы, что требует от исследователя специальной палеографической подготовки и привлечения справочных изданий, таких как «Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch» (1941) и словарь А. М. Таубе (1945) [DRSW, 1941 (a); DRSW, 1941 (б); Таубе, 1945]. Во-вторых, орфография источников сохраняется в оригинальном виде, включая устаревшие написания и ошибки, что обусловлено принципом исторической достоверности и необходимостью сохранения языкового колорита эпохи. В-третьих, перевод документов осуществляется с учетом историко-культурного контекста и требует привлечения фоновых знаний о тактической обстановке, организационной структуре вермахта и идеологических установках нацистского режима. Как отмечает Н. К. Гарбовский, адекватный перевод военного текста невозможен без учета дискурсивного фона, включающего знание устава, тактической обстановки, воинских традиций и историко-идеологического контекста эпохи [Гарбовский, 2020].

Таким образом, материал исследования представляет собой репрезентативный корпус немецких военных фронтовых документов 1941–1942 гг., сформированный на основе журнала боевых действий 1-й горнострелковой дивизии вермахта и сопутствующих документов оперативного учета.

2.2. Лексико-терминологическая система фронтового текста и специфика ее перевода

Необходимо отметить, что в рамках военной коммуникации терминологическая система выполняет не только номинативную, но и прагматическую функцию: она служит маркером профессиональной компетенции, инструментом оперативного управления и средством конструирования военной реальности. Как отмечает Г. М. Стрелковский, адекватное восприятие и перевод немецких военных текстов периода Второй

мировой войны невозможны без учета дискурсивного фона: знания тактической обстановки, уставных норм, историко-идеологического контекста и специфики оккупационного взаимодействия [Стрелковский, 1979]. Следует добавить, что согласно концепции Г. М. Стрелковского, все военные термины обладают следующими свойствами: 1) однозначной соотнесенностью в рамках определенной отрасли военного дела; 2) номинативностью; 3) сохранением стилистической нейтральности [Стрелковский, 1979].

Необходимо отметить, что анализируемые тексты военно-технической направленности содержат большое количество специальных слов, отражающих наименование техники и вооружения времен Второй мировой войны. Как отмечает В. Н. Комиссаров, перевод подобной лексики требует от переводчика наиболее точной и продуктивной работы по передаче значения используемых в исходном тексте терминологических слов и словосочетаний, что часто вызывает трудности, связанные с отсутствием в настоящее время подобных видов техники и вооружения [Комиссаров, 1990]. Для адекватной передачи значения используемых в немецком языке военно-технических терминов времен Второй мировой войны необходимо изучить специфику их перевода и провести соответствующую классификацию исходных терминов [Таубе, 1945].

Важно добавить, что согласно классификации Г. М. Стрелковского, различают несколько видов военных терминов: 1) тактические термины; 2) организационные термины; 3) военно-технические термины; 4) термины, относящиеся к родам войск и видам вооруженных сил и др. [Стрелковский, 1979]. По мнению М. Д. Степановой, в немецком языке особую продуктивность демонстрируют сложные существительные с компонентами -führung (управление, ведение), -bekämpfung (борьба, уничтожение), -sicherung (обеспечение, охрана), -einsatz (применение, операция), которые фиксируют тактическую и организационную специфику вермахта [Степанова, 1953].

Рассмотрим немецкие военно-технические термины, включающие в себя термины-существительные. Опираясь на классификацию М. Д. Степановой, все проанализированные термины-слова, выраженные в форме существительных, разделены нами на следующие группы [Степанова, 1953]:

1) Простые (непроизводные, корневые, первообразные) существительные – это слова, являющиеся односложными и состоящие из одной морфемы. В анализируемом материале присутствуют следующие примеры: die Armee – армия; die Banditen – бандиты, партизаны на оккупированных территориях во Второй мировой войне; die Einheit – отряд или единица; die Enigma – немецкое оборудование для шифрования сообщений; der Feind (der Gegner) – враг, противник; die Strasse – маршрут; die Truppe – войска/подразделение; die Masse – основные силы/масса войск; der Stab – штаб; der Befehl – приказ; der Auftrag – задание/поручение; der Marsch – марш/поход; der Kampf – бой/сражение; der Angriff – атака/наступление; die Waffe – оружие; das Geschütz – орудие/пушка; der Panzer – танк; die Munition – боеприпасы.

2) Производные существительные – это слова, состоящие из одного корня и словообразовательного суффикса: die Besatzung – экипаж; die Aufklärung – разведка; die Beobachtung – наблюдение; die Kameradschaft – небольшая воинская часть; die Säuberung – зачистка/очистка; die Sicherung – охрана/обеспечение; die Erkundung – разведка/рекогносцировка; die Einweisung – инструктаж; die Verladung – погрузка/загрузка; die Sprengung – подрыв/взрыв; die Verstärkung – подкрепление/усиление; die Ablösung – смена подразделений; die Verlegung – передислокация; die Bereitstellung – сосредоточение/развертывание; die Zuführung – подвоз/доставка; die Versorgung – снабжение; die Auflösung – расформирование, роспуск; die Meldung – донесение; die Weisung – указание, распоряжение; die Orientierung – ориентировка, инструктаж; die Mitteilung – сообщение; die Aufstellung – формирование, развертывание; die Stellung – позиция, положение; die Deckung – прикрытие; die Unterstützung – поддержка; die Vernichtung –

уничтожение; die Sicht – видимость; die Zucht – разведение, дисциплина; die Pflicht – долг, обязанность.

3) Сложные (составные) существительные – слова, состоящие из 2-х и более компонентов: основ, целых слов, корней со словообразовательными аффиксами: die Erkennungsmarke – идентификационный ярлык, «солдатский жетон»; die Erprobungsstelle – испытательный центр; die Fahnenflucht – дезертирство; der Feldersatzbataillon – полевой сменный батальон, обычно по одному на пехотную дивизию; der Feldzug – военный поход.

Следует подчеркнуть, что компонент-определитель всегда указывается в начале слова и может быть представлен в виде любой части речи. Определитель всегда подчинен последнему компоненту сложного слова. Как отмечает М. Д. Степанова, первый компонент характеризует предмет или явление через наименования того или иного признака, свойственного представленному слову, благодаря чему из значений всех компонентов строится смысловая структура целого термина [Степанова, 1953]. Последний компонент слова или «основное слово» определяет принадлежность всего термина к классу существительных и устанавливает соответствующие грамматические характеристики: род, склонение, форму множественного числа.

По принципу принадлежности определителя к той или иной части речи нами были найдены и проанализированы следующие определительные сложные военно-технические термины:

а) определитель-существительное: der Kampfgeist – боевой дух; die Totenkopfverbände – подразделения дивизии «Мертвая голова», использовавшиеся в качестве охранников в нацистских концентрационных лагерях, многие позже стали членами подразделений Waffen-SS, таких как дивизия SS Totenkopf; der Truppenamt – военное ведомство, замаскированный генеральный штаб армии после того, как Версальский договор упразднил Генеральный штаб германской армии; die Sturmabteilung – штурмовой батальон, специально обученный и оснащенный батальон немецкой армии в

Первую мировую войну, специально созданный в 1917 и 1918 годах из опыта позиционной войны;

б) определитель – глагольная форма: der Stauraum – грузовой отсек; das Hebegeschirr – грузоподъемное устройство; die Sprengpatrone – подрывной патрон;

в) определитель – прилагательное или наречие: der Fernsprecher – полевой телефон; der Scharfschütze – меткий стрелок (снайпер); der Schwerpunkt – основное направление удара;

г) определитель – имя собственное: die Stalinorgel – реактивная система залпового огня «Катюша» (военный жаргон).

Необходимо отметить, что термины, которые употребляются в военно-технических текстах, вне зависимости от своей словообразовательной структуры могут вызвать определенные трудности при переводе, так как часто возникают ситуации, когда объем значений технических терминов разных языков, употребляемых для описания одних и тех же предметов и явлений, не совпадает или совпадает лишь частично. Как подчеркивает В. Н. Комиссаров, в данном случае контекст также играет немаловажную роль, поскольку значение различных терминов всегда конкретизируется в тексте, поэтому в зависимости от сферы употребления, рода войск, характеристик вооружения значение определенных слов и словосочетаний может меняться [Комиссаров, 1990].

Согласно классификации Г. М. Стрелковского и классификации В. Н. Комиссарова, нами использовались следующие способы перевода военно-технических терминов-существительных в зависимости от их словообразовательной структуры [Стрелковский, 1979; Комиссаров, 1990]. Значение отдельных терминов-существительных возможно передать при помощи межъязыкового терминологического эквивалента, представленного одним специальным словом, которое полностью отражает объем значений, передаваемых исходным термином [Комиссаров, 1990]: die Granaten – гранаты, das Visier – прицел, die Fahne – флаг или знамя, der Betriebsstoff –

топливо, der Brückenleger – мостовик. В качестве переводческих трансформаций нами применялись адекватная замена, введение уточняющих слов и экспликация. Рассмотрим более подробно каждую из переводческих трансформаций.

Адекватная замена производится на лексическом уровне. При этом производное или сложное слово может переводиться при помощи сочетания нескольких слов, выраженных различными частями речи:

а) существительное + существительное: das Bediengerät – устройство управления, der Korrekturwert – величина поправки;

б) прилагательное + существительное: die Gemeindepolizei – местная полиция; das Heer – сухопутные войска; die Feindbatterie – вражеская батарея;

в) прилагательное + прилагательное + существительное: Deutsche Minenräumleitung (DMRL) – немецкий минно-тральный отряд;

г) существительное + предлог + существительное: die Zielentfernung – расстояние до цели;

д) существительное + существительное + существительное (данная модель перевода свойственна многокомпонентным терминам, где значение каждого терминологического элемента передается отдельным самостоятельным словом): das Triebwerkshebegeschirr – механизм подъема двигателя;

е) существительное + прилагательное + существительное: die Hecklagerung – подшипник заднего хода;

ж) прилагательное + существительное + прилагательное: die Rohrführungshülse – направляющая втулка ствола.

Введение уточняющих слов – такой способ передачи значения терминов подразумевает добавление разъяснительных слов к результату перевода с целью наиболее полного перевода анализируемого термина: der Fahrer – механик-водитель; die Panzerhaubitze – самоходная бронированная гаубица; die Sprengwirkung – разрушающее действие взрыва.

Экспликация, или описательный перевод, является одним из видов лексико-грамматических трансформаций, при которой исходный термин

заменяется поясняющим словосочетанием, дающим объяснение представленной лексической единицы:

а) das Schachtellaufwerk – название системы перекрывающихся и чередующихся опорных катков, использовавшихся на немецких военных полугусеничных и боевых бронированных машинах до и во время Второй мировой войны;

б) die Baubeschreibung – чертеж общего вида с указанием основных размеров и других измерений и физических параметров немецкой линии фронта;

в) der Vierling – «четверка», обозначающая любую оружейную установку, которая использовала четыре пулемета или автопушку той же марки и модели, в одной перемещаемой и поднимаемой установке;

г) der Ratsch-bum – 76-мм дивизионная пушка (ЗИС-3) – самое массовое советское артиллерийское орудие, выпускавшееся в годы Великой Отечественной войны.

Важно подчеркнуть, что в анализируемом корпусе документов обнаруживается также идеологически маркированная лексика, проникновение которой в сугубо функциональные тексты оперативного учета свидетельствует о тотальном характере идеологической детерминации военного дискурса. Как отмечает В. Клемперер, нацистский дискурс систематически трансформирует семантику нейтральных слов, насыщает тексты оценочными штампами и создает эвфемистические конструкции, маскирующие реальные практики насилия и оккупации [Клемперер, 1998]. По данным С. И. Дубинина, в записях встречается выражение «die rote Luftwaffe» (Красные ВВС) – явная калька с немецкой пропагандистской терминологии, где прилагательное «красный» используется для обозначения советских войск [Дубинин, 2015 (6)].

Согласно В. В. Максимовой, термин Säuberungsaktion (зачистка) встречается в документах неоднократно, что указывает на систематический характер операций по ликвидации партизанских групп и «зачистке» тыловых

районов [Максимова, 2024]. Как подчеркивает С. И. Дубинин, это эвфемистическое обозначение карательных операций характерно для военного дискурса, где прямые наименования действий часто заменяются более нейтральными терминами, что в контексте тоталитарного режима институционализируется в форме «дискурса завоевателя» [Дубинин, 2016].

Таким образом, на основе представленного анализа немецких военно-технических терминов необходимо подчеркнуть, что подобного рода лексика сохраняет все отличительные особенности специальной лексики и закономерно вызывает сложности при передаче значения отдельных понятий с немецкого языка на русский язык. Как отмечает Б. Л. Бойко, военный профжаргон занимает промежуточную нишу в системе военной лексики, располагаясь в интервале между строгой официальной терминологией и общим военным жаргоном, выполняя функцию замещения официальных понятий в неформальной коммуникации [Бойко, 2018 (а)]. Военно-технические термины, представленные в виде существительных, не имеют определенных правил перевода, общих для одной словообразовательной модели, и могут переводиться различными способами в зависимости от контекста и принятых в языке перевода эквивалентах.

2.3. Функционально-смысловые типы речи и их синтаксическая реализация

Переходя к анализу функционально-смысловых типов речи в немецком фронтовом тексте, необходимо теоретически обосновать их роль как базовых логико-синтаксических категорий, через которые реализуется коммуникативная интенция документа. Как отмечает О. А. Нечаева, функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) представляют собой универсальные логические категории, каждая из которых характеризуется специфическим набором синтаксических средств и логических связей [Нечаева, 1974]. Следует подчеркнуть, что в условиях фронтовой коммуникации выбор того или иного типа речи

детерминирован не стилистическими предпочтениями автора, а прагматическими задачами документа: оперативное донесение тяготеет к повествованию, аналитическая сводка – к рассуждению, схема или карта местности – к описанию.

Согласно теории функциональной грамматики А. В. Бондарко, структурно-логическая характеристика функционально-смысловых типов речи проявляется в определенном функционировании предложений и предикативных семантико-смысловых единиц, характеризующихся следующими логическими связями: атрибуция, конъюнкция, импликация [Бондарко, 1983]. По мнению Е. П. Лушевой, в немецких военных текстах используются все основные средства выражения логических связей [Лушева, 1991]. Следует добавить, что согласно исследованиям Е. П. Лушевой, категории атрибуции присущи сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, препозитивные причастные обороты, самостоятельные предложения, присубстантивные инфинитивные и номинативные конструкции. Логическая категория конъюнкции реализуется однородными предикатами, сложноподчиненными предложениями с придаточными дополнения. Для импликации характерны сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины, следствия, номинативные конструкции, несогласованные причастные обороты в антецеденте [Лушева, 1991].

Как отмечает Т. В. Матвеева, функциональные стили реализуются через систему текстовых категорий, среди которых центральное место занимают категориальность цели, адресованность и ситуативность [Матвеева, 1990]. Как подчеркивает С. А. Данилова, в условиях фронта эти категории приобретают предельную конкретизацию: текст создается не для эстетического воздействия или научного обобщения, а для решения оперативных задач – передачи приказа, донесения о ситуации, координации действий подразделений [Данилова, 2014]. Следует добавить, что именно функциональная детерминированность фронтового текста обуславливает

доминирование в нем повествования и описания, тогда как рассуждение используется преимущественно в аналитических донесениях высшего командного состава.

При анализе фронтовых документов в качестве основы синтаксической структуры рассматривается предикативная группа. Как отмечает О. А. Нечаева, группа предиката включает в себя предикативно-логические компоненты предложения, неся информацию об основной деятельностной характеристике субъекта, объекте действий с необходимыми пространственно-временными характеристиками, а система предикативных выражений соответствует уровню формирования смысла [Нечаева, 1974].

1. Повествование (логическая категория конъюнкции).

Повествование – это функционально-смысловой тип речи, в сообщении которого содержатся сведения о развивающихся действиях или состояниях с помощью особых языковых и синтаксических средств. Упор в данном случае идёт на перечисление событий или переход из одного состояния в другой [Нечаева, 1974]. Повествование отражает такую логическую операцию, как конъюнкция. В военных текстах конъюнктивная связь реализуется между высказываниями, которые передают признаки одного и того же субъекта. Обычна эта связь представляет собой сложное высказывание из двух, объединенных с помощью союза *und*. Как отмечает Ю. А. Бельчиков, для немецких военных текстов характерно выражение конъюнктивной связи, существующей между суждениями, передающими признаки одного и того же субъекта [Бельчиков, 2000]. Следует подчеркнуть, что доминантными средствами выражения конъюнктивной связи являются однородные предикаты – глагольные сказуемые. Рассмотрим следующие примеры:

a) A.A.12 **trifft** mit ersten Teilen nach großen Marschschwierigkeiten in Belj **ein und richtet** diesen Ort zur Verteidigung **vor** (здесь и далее орфография источника сохраняется). – Первые подразделения 12-го разведывательного батальона прибывают в Бель после трудного похода и начинают подготовку к обороне (здесь и далее перевод выполнен автором).

б) Eigene s.J.G. **vernichteten** 1 Feindbunker westlich Star. Nowossel *und beschädigten* 2 weitere schwer. – При помощи тяжелых пехотных орудий уничтожили один дот противника западнее деревни Старый Новосел и значительно повредили еще два дота.

в) Sturmgesch. Battr. 659 **trifft** bei der Division **ein und wird** 3 Geschützen J.R.4, mit 3 Geschützen J.R.96 unterstellt. – 659-я батарея штурмовых орудий прибывает в дивизию и передает три самоходных орудия 4-му пехотному полку и три – 96-му пехотному полку.

г) Marschgruppe Kress **war** bereits 14.00 Uhr unter Vermeidung von Sslawjansk über die Südstrasse **angetreten und hatte** Unterkunftsraum südostwärts Gruppe Picker nach anstrengendem Marsch in den frühen Morgenstunden **erreicht**. – Маршевая колонна Кресса выступила уже в 14:00, обойдя Славянск по южной дороге, и после изнурительного марша в ранние утренние часы достигла района размещения юго-восточнее группы Пикера.

д) Gruppe Lawall **nimmt** 11.45 Uhr Donezbrücke Michailowka, **bildet** Brückenkopf *und baut* sie mit Pionieren **aus**. – Группа Лавалля в 11:45 захватывает мост через Северский Донец у Михайловки, создает плацдарм и восстанавливает мост силами саперов.

е) **hat** Gruppe Lawall **Feindberührung und geht** nach Süden Richtung Platowo weiter **vor**. – Группа Лавалля вступает в боевое соприкосновение с противником и продолжает продвижение на юг в направлении Платово.

ж) **hat** Lawall nach kurzem Feuergefecht die Hauptbrücke über den Kuban bei Tscherkessk, sowie 4-6 to Brücken über Nebenarme in die Hand **bekommen und** mit den Kradschützen einen Brückenkopf nach Westen **gebildet**. – Группа Лавалля после короткого огневого боя захватила основной мост через Кубань у Черкесска, а также 4-6-тонные мосты через протоки, и силами мотоциклистов создала плацдарм на западном берегу.

з) V.A.Lawall **klärt** nach Süden **auf und erreicht** bis 20.00 Uhr Nikolajewskaja ohne Feindberührung. – Передовой отряд Лавалля ведет

разведку в южном направлении и к 20:00 достигает Николаевской без боевого соприкосновения с противником.

и) Beim Morgengrauen **wird** von dem auf Div.Ikw.Kolonnen zu verladenden verst.III./G.J.R.98 die 11./G.J.R.98 und 1./G.Pi.54 auf Rgt.Ikw. **verladen und** Richtung Teberda **vorgefahren**. – На рассвете из состава усиленного III батальона 98-го горнострелкового полка (подлежащего погрузке на дивизионные автотранспортные колонны), 11-я рота 98-го горнострелкового полка и 1-я рота 54-го горно-саперного батальона погружаются на полковой автотранспорт и выдвигаются в направлении Теберды.

й) geht Befehl an Stab Sommer: 1 Jg.Btl. 99 erreicht 17.8. zur Verfügung des XXXIX.(Geb.)A.K. Newinnomyskaja. Das Btl. **wird** nach Osten **abgedreht und** voraussichtlich im Rahmen des XXXIV.Pz.Korps **eingesetzt werden**. – Штабу «Зоммер» отдается приказ: 1-й егерский батальон 99-го полка 17 августа прибывает в Невинномысскую в распоряжение 39-го горного армейского корпуса. Батальон будет направлен на восток и, предположительно, задействован в составе 34-го танкового корпуса.

к) Bis zum Abend **hat** Gruppe von Hirschfeld nach über 24-stündigem Kampf den Serpentinanstieg zum Kluchor Pass **überwunden und steht** dicht unterhalb des Passes vor gut eingebautem Feind. – К вечеру группа фон Хиршфельда после более чем 24-часового боя преодолела серпантинный подъем на Клухорский перевал и находится в непосредственной близости от него, упершись в прочно засевшего в обороне противника.

л) Gruppe Groth **hat** Verpflegsstützpunkt am Chotju Tau Pass **errichtet und hat** mit Spitze die feindbesetzte Hütte in 4100 m Höhe **genommen**. – Группа Грота организовала базу продовольственного снабжения на перевале Хотютау и силами передового дозора захватила занятую противником хижину на высоте 4100 метров.

В немецких военных документах конъюнкция также проявляется между составными частями сложного глагольного сказуемого [Лушева, 1991].

В исследуемом нами материале можно выделить особо часто попадающиеся виды составных глагольных сказуемых. Например:

1) модальный глагол + инфинитив

a) Brücke **soll** am Angriffstag 10.00 Uhr im Gelände zwischen 156,2 – südostwärts Schtchurówka und westlich davon verteilt breit **stehen**. – В день атаки в 10:00 полоса наступления должна занять широкий фронт в районе между высотой 156,2 (юго-восточнее Щуровки) и западнее неё.

б) Er **kann** möglicherweise zwei 8,8 cm Btr. für den Erdkampf **freimachen**. – Он, возможно, сможет выделить две 88-мм батареи для ведения наземного боя.

в) Falls XXXIX.(Geb.)A.K. den benötigten Betriebsstoff (25 cbm) nicht **beschaffen kann, will** Div.Kdr. sich an das Pz.A.O.K.1 mit der Bitter um Überlassung der benötigten Betriebsstoffmenge **wenden**. – В случае, если 39-й горный армейский корпус не сможет изыскать необходимые ГСМ (25 кубометров), командир дивизии намерен обратиться в командование 1-й танковой армии с просьбой о выделении требуемого количество горюче-смазочных материалов.

г) Auf Befehl des Gen.Kdo.XXXIX.(Geb.)A.K. **soll** das Btl., verstärkt durch 1/2 3./G.A.R.79 von Utschkulan auf den Nachar Pass **angesetzt werden** zur Entlastung der Kampfgruppe von Hirschfeld am Kluchor Pass. – По приказу командования 39-го горного армейского корпуса, батальон, усиленный половиной 3-й батареи 79-го горного артиллерийского полка, должен быть направлен из Учкулана на перевал Нахар для разгрузки боевой группы фон Хиршфельда на Клухорском перевале.

е) Russe soll sich nach Einwohnoraussagen nach Krassno Karatschaj in Stärke von 500 Mann **zurückgezogen haben**. – По сообщениям местных жителей, русские предположительно отошли в Красный Карачай силами до 500 человек.

В последних примерах видно, что инфинитив может выражаться не только в активном, но и в пассивном залоге, а также вместе с перфектом.

2) haben/sein + zu + инфинитив

а) Sie **ist** in Gegend Mossoroff Bairak mit Schusswirkung nach Süden und Südosten **einzusetzen**. – Она [батарея/часть] должна занять позиции в районе Моссоров Байрак с ведением огня в южном и юго-восточном направлении.

б) Divisionsvormarschstrasse **ist** im Einvernehmen mit Gruppe Lawall bis U 648 mit ‘Vormarschstrasse Edelweiss’ **zu bezeichnen**. – Дорога наступления дивизии по согласованию с группой Лавалья до точки U 648 должна иметь назначение «Дорога наступления “Эдельвейс”».

в) Die Div. **hat** einen kleinen Arbeitsstab unter Führung des Hptm. Klebe **aufzustellen** und an XXXX.Pz.A.K. **abzugeben**. – Дивизия должна сформировать небольшой рабочий штаб под командованием капитана Клебе и передать его в распоряжение 40-го танкового корпуса.

г) Oberst Picker meldet, dass linker, II./I.R.194 in Bajrak nach Hörensagen **herausgezogen werden soll**, ohne dass dafür Ersatz kommt. – Полковник Пикер докладывает, что, по слухам, левый сосед – 2-й батальон 194-го пехотного полка в Байраке – должен быть выведен с позиций без предоставления ему замены.

д) Korps teilt mit, dass weder Beob.Abt. greifbar ist, noch die 8,8 cm Fla Btr. vor 4 Tagen **zugeführt werden kann**. – Корпус сообщает, что отсутствует разведывательный батальон и 88-мм зенитная батарея не может быть подведена ранее чем через четверо суток.

е) Gruppe Kreis verbleibt und so in Stellung **zu bringen ist**, dass sie nach Süden und Südosten wirken kann. – Группа Крайс остаётся на месте и должна быть развёрнута таким образом, чтобы иметь возможность вести огонь в южном и юго-восточном направлениях.

ж) Es **ist zu verhindern**, dass fremde Einheiten an der Brückenstelle die Brücke mitbenützen. – Необходимо не допустить использования моста на переправе посторонними подразделениями.

В последних двух примерах замечено использование подчинительной связи, что тоже свойственно для конъюнкции. Обычно они выражаются через

союз dass. В целом, подчинительные союзы позволяют передавать различные оттенки синтаксических отношений [Комиссаров, 1990]. Логические отношения конъюнкции в военных текстах выражаются сложноподчиненными предложениями с придаточными дополнения, которые играют роль уточнения указанного в главном предложении действия.

Например:

a) Es zeigt sich dabei, **dass besonders bei den zusammengewürfelten Kampfgruppen ein hoher Prozentsatz der Gasausrüstung während der harten Winterkämpfe verlorengegangen ist.** Anforderungen zur Auffüllung des Fehls gehen sofort heraus. – При этом обнаруживается, что, особенно в смешанных боевых группах, большой процент газового снаряжения был потерян в ходе тяжелых зимних боев. Запросы на пополнение запасов отправляются немедленно.

б) Ia A.O.K. 16 teilt mit, **dass genauer Zeitpunkt über Eintreffen der 1. Teile der neuen zuzuführenden Division noch nicht angegeben werden kann,** jedoch seit Mitte Januar damit zu rechnen. – Офицер оперативного управления генштаба 16-й армии сообщает, что точное время прибытия первых подразделений новой дивизии не определено, но ожидается в середине января.

в) Aus der Antwort der 253. J.D. geht hervor, **dass die beabsichtigte Marschbewegung des verst. J.R. 189 auf dem Bahndamm Andreapol-Peno nicht möglich ist.** – Из ответа 253-й пехотной дивизии следует, что запланированное маршевое передвижение усиленного 189-го пехотного полка по железнодорожной насыпи Андреаполь-Пено невозможно.

г) Ia teilt Oberst Kress mit, **dass der bisherige Befehl für die I./G.A.R.79 aufgehoben ist.** – Начальник оперативного отдела сообщает полковнику Крессу, что прежний приказ для I батальона 79-го горно-артиллерийского полка отменен.

д) Chef des Stabes teilt mit, **dass 1.Geb.Div. zu sperren hat: 204, 205, 210 und 209.** – Начальник штаба сообщает, что 1-я горнострелковая дивизия обязана перекрыть высоты 204, 205, 210 и 209.

е) Verb.Offz. zu 1.Rum.Div. teilt mit, **dass Rum.Jg.Rgt.5 kurz vor 2.00 Uhr aus Ssawinzy angetreten ist.** – Офицер связи при 1-й румынской дивизии сообщает, что 5-й румынский егерский полк выступил из Савинцев незадолго до 2:00.

ж) Oberst Kress teilt mit, **dass er Auftrag erteilt hat, je nach Ergebnis der Aufklärung ohne weiteren Befehl der Div. abzuwarten zum Angriff überzugehen.** – Полковник Кресс докладывает, что отдал распоряжение: в зависимости от результатов разведки, не дожидаясь дальнейших приказов дивизии, переходить в атаку.

з) Komm.General bei Gef.Stand 1.Geb.Div. erklärt sich damit einverstanden, **dass ganze Division über Brücke Michailowskij geht.** – Командующий, находящийся на командном пункте 1-й горнострелковой дивизии, дает согласие на переправу всей дивизии через Михайловский мост.

и) läuft der Div.Befehl über den Weitermarsch der Division nach Tscherkessk aus. In einer Marschtafel sind die täglich zu erreichenden Räume getrennt für die beiden Fussmarschgruppen, **sowie die vorgesehenen Rasttage zusammengestellt.** – Отдается приказ по дивизии о продолжении марша в направлении Черкесска. В плане марша сведены ежедневные районы выхода, рассчитанные отдельно для обеих пеших маршевых групп, а также указаны запланированные дни отдыха

й) teilt Ia des Korps mit, **dass auf Grund der Lage im Teberda Tal 1./Radf.Schwdr.54, bisher zu Sicherungsaufgaben in Tscherkessk, vom Korps freigegeben wird.** – Начальник оперативного отдела штаба корпуса сообщает, что в связи с обстановкой в Тебердинском ущелье 1-й эскадрон 54-го велосипедного батальона, до настоящего времени выполнявший задачи по охране в Черкесске, высвобождается распоряжением корпуса.

к) teilt Ia Korps mit, **dass beschleunigtes Nachführen der Fussmarschgruppen der Division unter Zugrundelegung grösserer Marschleistungen notwendig sei.** – Начальник оперативного отдела штаба корпуса сообщает, что необходимо ускоренное подтягивание пеших маршевых колонн дивизии с расчетом на увеличенные суточные переходы.

л) Ia der Div. macht darauf aufmerksam, **dass zur Erhaltung der Einsatzkraft von Mann und Tier keine grösseren täglichen Marschleistungen von der Truppe erwartet werden können.** – Начальник оперативного отдела дивизии обращает внимание на то, что в целях сохранения боеспособности людей и животных от войск нельзя ожидать увеличения суточных переходов.

м) G.A.R. 79 meldet, **dass II./G.A.R.79 4 Feuerüberfälle auf Oljchowatka gemacht und den Ostteil (anscheinend dabein ein Benzinlager) in Brand geschossen hat.** – 79-ый горный артиллерийский полк докладывает, что 2-й дивизион 79-го горного артиллерийского полка нанёс 4 огневых налёта по Ольховатке и артиллерийским огнём поджёг её восточную часть (предположительно, там расположен склад горючего).

Отношение конъюнкции нередко обнаруживается в последовательностях грамматически не связанных друг с другом предложений. Предполагается, что употребление простых предложений, связанных отношениями конъюнкции, продиктовано задачей привлечения особого внимания к сообщаемому, так как повтор одного и того же субъекта усиливает логическую связанность частей высказывания. Например:

a) *Eigene Artillerie unterstützte* die eigenen schweren Abwehrkämpfe. *Sie zerschlug* zahlreiche Bereitstellungen und Ansammlungen des Feindes vor der H.K.L. – Собственная артиллерия поддерживала тяжелые оборонительные бои. Она разгромила многочисленные скопления противника перед основной линией обороны.

б) Um 3.15 Uhr **griff Feind** in Stärke von rund 140 Mann auf Nordostteil Gorodilowo **an.** *Er drang* nach Überrennen der vordersten Sicherungsgruppe in den Ort ein und **wurde** im Gegenstoß wieder geworfen. – В 3:15 противник

численностью около 140 человек атаковал северо-восточную часть деревни Городилово. Он проник в населенный пункт после захвата передовой резервной группы и был отброшен при контратаке.

в) **Oberbefehlshaber Armee-Oberkommando** 16 trifft um 10.00 Uhr ein, **er** fährt zum Korpskommando Eicke. **Er** entscheidet, daß das Korpskommando in seiner jetzigen Form bestehen bleibt. – Главнокомандующий 16-й армией прибывает в 10:00, он направляется к корпусному командованию Эйке. Он решает, что командование корпусом должно сохраниться в его нынешнем виде.

г) **Arko 6**, General Conradi, meldet fernmündlich seine Unterstellung. **Er** bringt mit: s.Art.Abt.627 (21 cm Mörser), rum.Art.Rgt.1 (ohne 1 Abt.), best.aus: 2 10 cm Kan.Bttr., 2 15 cm Haubitz Bttr. – Командующий артиллерией 6 генерал Конради докладывает по телефону о своём переходе в подчинение. Он приводит с собой: 627-й тяжёлый артиллерийский дивизион (21-см миномёты), 1-й румынский артиллерийский полк (без 1-го дивизона), состоящий из: двух 100-мм пушечных батарей и двух 115-мм гаубичных батарей.

д) **Generalleutnant Hoffmann** der Flak bespricht mit Ia den Einsatz der zugeteilten Flak. **Er** billigt die Absicht der 1.Geb.Div. (zuerst möglichst Erdeinsatz, dann Luftabwehr je nach Lage). – Генерал-лейтенант Хоффманн, командующий силами ПВО, обсуждает с начальником оперативного отдела вопросы применения выделенных зенитных частей. Он одобряет замысел 1-й горнострелковой дивизии: в первую очередь максимально использовать их для стрельбы по наземным целям, а затем, в зависимости от обстановки, переключить на выполнение задач противовоздушной обороны.

Повтор субъекта не всегда происходит через местоимение, в некоторых случаях возможно употребление полного наименования субъекта в следующей части высказывания:

а) Auftrag für **1.Geb.Div.** ist: **1.Geb.Div.** bleibt dem Feind auf den Fersen und behält mit ihm Fühlung. – Задача 1-й горнострелковой дивизии: плотно

преследовать противника по пятам и поддерживать с ним непрерывный тактический контакт.

б) O1 informiert sich bei **62.J.D.** über dortige Absichten. **62.J.D.** hat noch keinen Angriffsbefehl und bezeichnet ihre Lage als schwierig. **Sie** hat 35 km Front bei schlechter Beweglichkeit infolge Mangels an Kfz., keine Reserven, schlechte Artillerie. – Начальник оперативного отдела выясняет у 62-й пехотной дивизии её дальнейшие намерения. 62-я дивизия сообщает, что ещё не получила приказа о наступлении, и оценивает своё положение как сложное: она удерживает фронт протяжённостью 35 км, обладает низкой подвижностью из-за нехватки автотранспорта, не имеет резервов и располагает слабой артиллерии.

в) Div.Kdr. (der sich bei Angriffsbeginn auf seinen vorgeschobenen Gefechtsstand, in vorderster Linie des II./G.J.R.98 begeben hat) informiert Ia: **Brücke** gesprengt, eine andere **Brücke** in Brand gesteckt. **Diese** wird gelöscht und durch Pioniere für Fahrzeugverkehr in Stand gesetzt. Fertigstellung voraussichtlich bis Mittag. – Командир дивизии (который с началом атаки выдвинулся на свой передовой командный пункт, расположенный на переднем крае 2 батальона 98-го горнострелкового полка) сообщает начальнику оперативного отдела: один мост взорван, другой подожжён. Пожар на втором мосту тушится, сапёры ведут работы по восстановлению для пропуска автотранспорта. Окончание работ ожидается к полудню.

Отношение конъюнкции, как известно, с высокой частотностью обнаруживается при употреблении эллиптических предложений, причем не только в военных текстах, так как подобные структуры выполняют функцию полного отражения действительности при использовании минимума средств [Бельчиков, 2000]. В анализируемом материале таких примеров много:

а) Im ganzen Abschnitt ruhig. – По всему участку фронта тихо.

б) Ruhiger Nachtverlauf. – Ночь прошла спокойно.

в) Infanterie-, Granatenwerfer-, und Artillerietätigkeit. – Активизировались пехота, минометы и артиллерия.

г) Gegen Mittag erstmalig Artillerie- und Granatwerferfeuer auf Ostrand Molwotizy. – Около полудня вначале был открыт артиллерийский и минометный огонь по восточной окраине Молвотицы.

д) Now. Russa brennt. Weiterhin starke Feindangriffe. Neue Angriffe bei Belaja 2. – Новая Русса горит. <Продолжаются> сильные атаки противника. Новые атаки у деревни Белая 2.

е) Ssawinzy ist in eigener Hand, Brückenkopf gesichert. Vor 157,2 steht I.Btl. ... Feind hat sich zurückgezogen. – Савинцы в наших руках, плацдарм закреплен. Перед высотой 157,2 находится 1-й батальон. ... Противник отступил.

ж) Btl.Bader 5.45 Uhr im Wäldchen nördlich Punkt 2,0. Btl. Salminger im Nachziehen. – Батальон Бадера в 5:45 находится в роще севернее точки 2,0. Батальон Зальмингера следует за ним.

з) Ia befiehlt Arko 6: Heute Nacht Einwirkung auf Kunje. Mit Tagesanbruch Stellungswechsel in Raum Jwantschukowka. – Начальник оперативного отдела приказывает командиру 6-го артиллерийского командования (Arko 6): сегодня ночью – огневое воздействие по Кунье. С рассветом – смена огневых позиций в районе Иванчуковки.

и) Bombenabwurf eines von 3 deutschen Kampfflugzeugen auf die Brückenstelle in Lipschanowka, 8 Tote, 21 Verwundete. – Сброс бомб одним из 3-х немецких боевых самолетов по мостовой переправе в Липчановке: 8 убитых, 21 раненый.

й) G.Pz.Jg.Abt.44 wird neu aufgestellt. Geb.Pi.Btl.54 und Radf.Abt.Lawall treten wieder zusammen, KradSch.Schwdr.54 zu Lawall zurück. V.A.v.Hirschfeld wird aufgelöst. – 44-й горный противотанковый дивизион формируется заново. 54-й горный саперный батальон и велосипедный батальон Лаваль вновь объединяются; 54-й мотоциклетный эскадрон возвращается в состав батальона Лаваль. Передовой отряд фон Хиршфельда расформировывается.

к) Div.Gef.St. ab Mittag Dolgijar. – Командный пункт дивизии с полудня – Долгий Яр.

л) Komm.General zum Abschiedessen anwesend. – Командующий присутствовал на прощальном ужине.

м) Truppe ruht. Nichts Neues. – Войска отдыхают. Без перемен.

н) bleibt Marschgruppe Kress vor Brücke stehen. Endlose Verstopfungen. Meldung vom jenseitigen Ufer: Jeder Verkehr erstickt im Sand. – Маршевая колонна Кресса вынуждена остановиться перед мостом. Нескончаемые дорожные заторы. Донесение с противоположного берега: любое движение вязнет в песке.

о) Antreten Gruppe Kress in neuen Raum, sehr heiss und anstrengend. Antreten Gruppe Lawall nach Sambek. – Группа Кресса выступает в новый район; переутомление личного состава, сильная жара. Группа Лавалья выступает в направлении Самбека.

п) Erreicht mit Masse um 16.45 Fortstadt, 5 km nordostwärts Armavir. – В 16:45 основные силы достигли Фортштадта, расположенного в 5 км северо-восточнее Армавира.

р) Kdr.Besprechung (Rgt.Kdre.) Einweisung der Kdre. durch Div.Kdr. über den bevorstehenden Einsatzraum im Kaukasus. – Совещание командиров (командиров полков). Инструктаж командиров, проведенный командиром дивизии, о предстоящем районе боевых действий на Кавказе.

с) G.J.R.98: Ternewskaia - Iljinskaja. G.J.R.99: Nowo Archangelskoje - Archangelskaja. – 98-й горнострелковый полк: Терновская – Ильинская. 99-й горнострелковый полк: Новоархангельское – Архангельская.

т) Marsch der Gefechtsgruppen. – Боевые группы выдвигаются.

у) An der Brücke über den Utschkulan arbeiten: 2./G.Pi.54, 1 Zg. 3./G.Pi.54, 1 Zg.Pi.Radf.Abt.54 und 150 Gefangene. – На работах у моста через Учкулан задействованы: 2-я рота 54-го горно-саперного батальона, 1-й взвод 3-й роты 54-го горно-саперного батальона, 1-й взвод 54-го саперного велосипедного батальона и 150 военнопленных.

ф) Hütte nicht vorhanden. – Хижина не обнаружена.

х) Keine Tragtiere! – Вьючных животных нет!

ц) 4 russische Gefangene, 1 M.G. erbeutet, ca 10 Russen nach Südosten ausgewichen. – Захвачено 4 военнопленных и 1 пулемет, около 10 военнослужащих противника отошли в юго-восточном направлении.

2. Описание (логическая категория атрибуции).

Тип речи «описание» вербально «изображает» предмет или явление путём перечисления его постоянных или временных признаков. Действия, как правило, обращают внимание на сами процессы, характеризующиеся в данном промежутке времени как стоящие на месте и передают их состояние [Нечаева, 1974].

Одной из универсальных логических категорий типа речи «описание» является, как известно, понятийная категория признаковости или атрибуции. Это вид логической связи, которая описывает отношения между атрибутом и определяемым словом, обычно существительным или местоимением. Атрибут отражает признак, свойство и/или принадлежность определяемого слова. [Панфилов, 1977]. В военных текстах, выполняющих информативную функцию, данная категория встречается достаточно часто. Основным средством выражения данного вида логической связи является сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, занимающим, как правило, постпозицию к определяемому суждению. Придаточные выражают общее значение определительности, то есть признака одного из компонентов суждения, заключенного в главном предложении.

В немецком языке средства связи между придаточным определительным предложением и главной частью сложноподчинённого предложения выполняют относительные местоимения (der, die, das, welche), либо указательные местоимения (diese), либо притяжательные местоимения (dessen). Данные местоимения согласуются в роде и числе с тем членом главного предложения, к которому относятся. Например:

a) In den späten Abendstunden wurden in erbitterten, nur langsam bodengewinnenden Kämpfen 7 Panzer, **die durch die hervorragende**

Artillerieunterstützung zum Teil bewegungsunfähig geschossen waren, vernichtet, die H.K.L. an der Einbruchstelle wiedergenommen und das Abschleppen der zum Teil vor der H.K.L. vernichteten Panzer verhindert. – Поздно вечером в ожесточенных боях, медленно продвигаясь вперед, было уничтожено 7 танков, которые были выведены из строя благодаря отличной поддержке артиллерии; участок на месте прорыва на переднем крае обороны снова отбит, что мешает эвакуировать уничтоженные танки.

б) Befehl an Btl. Scharf, **welches vom Igel Molwotizy über Belj den Raum Kornewo-Lunewo-Tschernoja erreicht hat,** das Btl. in Kornewo zusammenziehen und sofort Verbindung mit Oshejedy aufzunehmen. Das Btl. wird dem Abschnitt Koßmala unterstellt. – Приказ батальону Шарф, который уже вышел из опорного пункта Молвотицы через Бель и достиг участка Корнево-Луново-Черная, закрепиться в Корнево и сразу установить связь с населенным пунктом Ожееды. Батальон переходит в подчинение участку Космала.

в) Nacht verläuft ruhig, mit Ausnahme kleinerer Vorstösse gegen Lipschanowka, **die erfolgreich abgewehrt werden.** – Ночь проходит спокойно, за исключением небольших вылазок в направлении Липчановки, которые были успешно отбиты.

г) I./G.J.R.98 erhält den Raum Ternowka - Kotljarowka, **dessen Umgebung noch feindbesetzt ist.** – 1-й батальон 98-го горнострелкового полка занимает район Терновка – Котляровка, окрестности которого все еще заняты противником.

д) 3 km langen Saumpfad, **der auch für Tragtiere sehr schwierig ist.** – 3-километровая выючная тропа, которая представляет собой большие трудности для прохождения даже выючными животными.

е) Aufklärung der G.Pz.Jg.Abt.44 von Tscherkessk nach Südwesten hat ergeben, dass ausser Versprengten, **die die Waffen niedergelegt hatten, in Sselentschukskaja noch starke Feindkräfte sitzen.** – Разведка, проведенная 44-м горным противотанковым дивизионом в юго-западном направлении от

Черкесска, установила, что помимо разрозненных групп, сложивших оружие, в станице Зеленчукской по-прежнему находятся значительные силы противника.

Для немецких военных текстов характерно употребление распространенных причастных оборотов в препозиции к определяемому суждению. Например:

а) In den Morgenstunden überraschend **gegen Antanowo vorstossender Stosstrupp** in Stärke 60 Mann und gegen Djagilewo vorgetragener Angriff in Kompaniestärke – hier unter stärkerer Feuerunterstützung schwerer Infanteriewaffen – wurde unter Verlusten für den Gegner abgeschlagen. – В утренние часы неожиданно наступавший на Антаново ударный отряд численностью 60 человек и атака роты на Дягилево при усиленной огневой поддержке тяжелых пехотных орудий были отбиты с потерями для противника.

б) Feind setzt am 27.12. die erwarteten Angriffe gegen Karpowka-Abschnitt mit unverminderter Heftigkeit unter stärker Feuerunterstützung aller Waffen und unter Einsatz von 10 Panzern fort. Mit weiteren, **durch starkes Feuer und Panzer unterstützten Angriffen** muss gerechnet werden. – Противник 27.12 продолжает ожидаемые атаки на участке Карповка с неослабевающей яростью при усиленной огневой поддержке всех видов вооружения и с привлечением десяти танков. Следует ожидать дальнейших атак при поддержке усиленного артиллерийского огня и применении танков.

в) Feindliche Infanterie geht **in weit entwickelter Form** zwischen den Ortschaften Makarowka und nördl. Barwasikow auf Richtung Ssawinzy vor. – Вражеская пехота продвигается в широко развернутом боевом порядке в направлении Савинцев, действуя между населенными пунктами Макаровка и Барвенково (севернее).

Примечание: здесь Barwasikow – вошедшая в оборот ошибочная транслитерация населенного пункта Барвенково.

г) Sollen alle **in dem Raum verfügbaren berggewohnten** Pferde, Tragtiere und Esel erfasst werden. – Необходимо поставить на учет всех имеющихся в данном районе лошадей, вьючных животных и ослов, привыкших к горным условиям.

д) tritt die Sonderhochgebirgs-Kompanie Groth (**behelfsmässig motorisiert**) bestehend aus besonders bergefahrenen Offz. und Mannschaften aus der ganzen Division zusammen. – Формируется специальная высокогорная рота Грота (импровизированно моторизованная), состоящая из особо опытных в горных условиях офицеров и рядовых, отобранных из всей дивизии.

е) Die bei der Qu.Abt., dem Ib unterstehende Russen-Kp. (**zusammengestellt aus Freiwilligen der Überläufer**), wird gem. Anlage für die Aufgaben im Gebirge... – Русская рота, состоящая при тыловой службе (квартирмейстерской части) и подчиненная начальнику тыла, сформированная из добровольцев-перебежчиков, согласно приложению предназначается для выполнения задач в горных условиях...

ж) Korpsbefehl. Kampfgruppe Lawall **verstärkt durch möglichst viele Geb.Jäg.** wird von Mikoian Schachar über Pjatigorsk nach Bakssan zur Öffnung des oberen Bakssan Tales von Osten angesetzt. – Приказ по корпусу. Боевая группа Лавалья, усиленная максимально возможным числом горных стрелков, выдвигается из Микоян-Шахара через Пятигорск на Баксан с задачей вскрыть верхнюю часть Баксанского ущелья, нанося удар с востока.

Постпозитивные причастные обороты с атрибутивной функцией обнаружены не были, что связано, видимо, с их более слабой семантической связью с определяемым существительным в усложненной структуре предложения, которая должна быть максимально точной и однозначной в боевых условиях.

При анализе военных документов были установлены и другие средства выражения атрибутивных отношений, в частности использование в этой функции самостоятельных предложений. Например:

а) Durch Granatwerferfeuer unterstützter russischer Angriffskompanie gelang **Einbruch** in H.K.L. auf rechtem Flügel mit 60 Mann. **Der Einbruch** wurde im sofortigem Gegenstoß bereinigt. – Русской штурмовой роте численностью 60 человек, поддерживаемой минометным огнем, удалось прорвать передний край обороны на правом фланге. Прорыв был немедленно устранен ответным ударом.

б) Russisches Skibtl. besetzt nördlich Star. Nowossel **die Straße**. **Diese Straße** wird angriffsweise unter hohen Feindverlusten freigemacht, der Feind nach Westen über die Pola gedrängt und verfolgt. – Русский лыжный батальон занимает участок севернее деревни Старый Новосел. Участок освобожден в ходе наступательных действий с большими потерями для противника, враг оттеснен к западу через реку Пола.

в) Mit Panzerunterstützung dringt der Feind in **Welikuscha** ein und nimmt den Ort. **Welikuscha** wird im Gegenstoß verhältnismäßig leicht wiedergenommen – При поддержке танков противник проникает в Великушу и захватывает населенный пункт. Контроль над Великушей быстро возвращается в ходе контратаки.

г) Hptm.v.Hirschfeld meldet: **2 Brücken** in Ssawinzy wurden gesprengt. **Rechte Brücke** ungefähr ab 8.00 Uhr für Kfz. befahrbar. – Капитан фон Хиршфельд докладывает: два моста в Савинцах были взорваны. Правый мост примерно с 8:00 доступен для прохождения автотранспорта.

д) Rechter Nachbar, 384.I.D., befand sich bisher mit linkem Flügel **auf Höhe** 169,5. **Diese Höhe** wurde von der 1.Geb.Div. im Abschnitt der 384.I.D. durch das Geb.Jäg.Felders.Btl.54 besetzt. – Правый сосед, 384-я пехотная дивизия, ранее удерживала левым флангом высоту 169,5. Впоследствии эта высота была занята на участке 384-й дивизии силами 54-го горнострелкового полевого запасного батальона 1-й горнострелковой дивизии.

3. Рассуждение (логическая категория импликации).

Рассуждение – тип речи, который формирует логические отношения между теми суждениями, которые образуют умозаключение. Выражается

особой языковой структурой, которая зависит от логической основы и смыслового значения вводного суждения. Такого рода тексты отражают логические размышления автора, в которых заключены причины тех или иных действий, свойств, явлений [Нечаева, 1974]. Данный тип речи употребляется с целью обосновать какие-либо решения или дать прогноз, например, оценить риски, подкрепить доводами стратегию, планы и т.п.

Главной логической категорией типа речи «рассуждение» можно считать категорию импликации с обобщенным причинно-условно-следственным значением. К числу синтаксических средств для выражения отношений импликации традиционно относятся сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины, следствия, сложносочиненные предложения, номинативные конструкции, несогласованные причастные обороты [Лушева, 1991]. Обычно в придаточной части стоят такие маркеры, как *wenn*, *da*, *sobald*, *dadurch*, *weil*, а порой встречаются союзы в виде глаголов прошедшего времени: *sollte*. В анализируемых фронтовых документах для выражения отношений импликации широко употребляются вышеперечисленные синтаксические конструкции. Например:

а) Eine Versorgung des verst. J.R. 189 kann jedoch erst durchgeführt werden, **wenn Weg nach Süden frei ist und wenn Zuführung von Versorgungsgütern durch Armee nach Molwotizy sichergestellt ist**. – Однако снабжение 189-го усиленного пехотного полка не может быть осуществлено до тех пор, пока путь на юг не будет свободен и пока не будет обеспечена сухопутными войсками доставка грузов в Молвотицы.

б) Ia II.A.K. vereinbart mit Kdeur. Arko 105, daß die z.Zeit dem X.A.K. unterstellte Ballon-Bttr., **wenn von dort freigegeben, nach Marjewo verlegt werden soll**. – Начальник оперативного отдела штаба 2-го армейского корпуса согласовал с командиром 105-го артиллерийского командования, что аэростатная батарея, в настоящее время подчиненная 10-му армейскому

корпусу, после ее высвобождения должна быть передислоцирована в Марьево.

в) J.R.4 tritt, um das um 5.45 Uhr aus Gorowacha angetretene I.Btl. aufschliessen zu lassen, entgegen gestriger Abendmeldung erst um 8.00 Uhr an. J.R.4 wird, **da anscheinend schwacher Feind vor dem Rgt., gut vorwärts kommen.** – 4-й пехотный полк выступает только в 8 часов, вопреки вчерашнему вечернему сообщению, для расформирования вышедшего в 5:45 из Горовастыцы 1-го батальона. Встречая, видимо, слабое сопротивление противника, 4-й пехотный полк хорошо продвигается вперед.

г) Ia befiehlt, sich nach Saliman in Marsch zu setzen, **sobald die Rumänen den Abschnitt übernommen haben.** – Начальник оперативного отдела приказывает начать выдвижение в направлении Залимана, как только румынские части примут этот участок.

д) Es will, **sobald Brücke fahrbereit, nach Jwantschukowka vorstossen.** – Оно [подразделение] намерено, как только мост станет проезжим, выдвинуться в направлении Иванчуковки.

е) Befiehlt der Div.Kdr., **wenn der Eindruck besteht, dass Feind weicht, in breiter Front nachstossen bis zur grossen Strasse unter Staffelung der beiden äusseren Flügel.** – Приказ командира дивизии: при наличии признаков отступления противника, преследовать его на широком фронте до большого шоссе, эшелонировав оба крайних фланга.

ж) Befehl an Geb.Pi.Btl.54: Brücke Michailowskij bis auf Widerruf bewachen, **da für Nachschub wichtig.** – Приказ 54-му горно-саперному батальону: охранять Михайловский мост до особого распоряжения, так как он важен для снабжения.

з) erhält V.A.Lawall Befehl, Tscherkessk anzugreifen, **wenn seine Kräfte es erlauben.** – Передовой отряд Лавалля получает приказ атаковать Черкесск, если позволят силы.

и) Wichtig sei, **sobald als möglich die Pässe in Besitz zu nehmen.** – Особо важным является овладение горными перевалами в кратчайшие сроки.

й) Die Division ist **dadurch gezwungen, von neuem Wegeerkundungen durchzuführen und die bereits durchgeführte Beschilderung einer Vormarschstrasse entlang des Kuban bis Armavir zu ändern.** – В связи с этим дивизия вынуждена заново провести разведку дорог и изменить уже установленную систему дорожных указателей на маршруте наступления вдоль Кубани до Армавира.

к) III.Pz.Korps erklärt sich damit einverstanden, **wenn auch Gruppe Picker Brücke Proletarsk benutzt.** – Командование 3-го танкового корпуса также даёт согласие на использование моста в Пролетарске группой Пикера.

л) **Sollte 62.J.D. nicht durchkommen,** befindet sich hinter dieser Div. Gablenz. – В случае, если 62-я пехотная дивизия не сможет прорваться, позади неё находится группа Габленца.

м) **Da die Brücken bei Proletarsk noch nicht instand gesetzt sind,** wird der Vormarsch der schweren Teile verzögert. – Поскольку мосты в районе Пролетарска ещё не восстановлены, продвижение тяжёлых подразделений задерживается.

н) **Da die Feindlage im Abschnitt unverändert ist,** bleibt es bei den bisherigen Befehlen. – Поскольку обстановка на участке не изменилась, ранее отданные приказы остаются в силе.

о) **Weil der Gegner im Abschnitt der Division keine nennenswerte Tätigkeit zeigte,** wurden eigene Spähtrupps zur Aufklärung vorgeschickt. – Поскольку противник на участке дивизии не проявлял заметной активности, для ведения разведки были высланы собственные разведывательные дозоры.

п) **Da die Aufklärung ergab,** dass der Gegner seine Stellungen ausbaut, wird der Angriff auf 6.00 Uhr verschoben. – Поскольку разведка установила, что противник укрепляет свои позиции, начало атаки переносится на 6:00.

Что касается употребления в качестве синтаксических средств для выражения отношений импликации сложносочиненных предложений, номинативных конструкций, несогласованных причастных оборотов, то в

анализируемых документах данные синтаксические средства не были обнаружены.

Необходимо отметить, что фронтовые документы могут содержать в одном и том же предложении несколько функционально-смысловых типов речи. Например:

а) Diese Bewegung, **die auf ein Abziehen von Kraeften hindeutet, kann noch nicht erklart werden, da durch Ueberlaefer einstimmig angesetzt wurde, dass sowohl an der Nord- und Sued- Front neue Truppenteilen erwartet werden und neue Angriffsabsichten bestehen.** – Эти передвижения, которые указывают на отвод войск, сложно объяснить, так как по многочисленным показаниям перебежчиков было выяснено, что на северном и южных фронтах ожидают приход новых подразделений и новых наступлений.

б) Um 19.30 Uhr Gespräch mit Kom.Gen. mit O.B. A.O.K.16, **wonach Kom.Gen. pflichtmäßig melden muß, daß die Ausführung des Befehls "um jeden Preis die Stellung zu halten" mit unbedingter Sicherheit zu einer Katastrophe führen muß, wenn nicht in kürzester Zeit Verstärkung zugeführt wird.** – В 19:30 состоится разговор с главнокомандующим 16-й армией, в соответствии с которым командир корпуса обязан доложить, что выполнение приказа «удерживать позицию любой ценой» должно с абсолютной уверенностью привести к катастрофе, если в ближайшее время не подойдет подкрепление.

в) Aus Beutebefehlen geht hervor, **daß er die Absicht hat, zwischen den Stützpunkten durchzudringen und somit in unseren Rücken und unsere Flanke zu kommen, damit die Verwirrung zu stiften und uns zur Aufgabe unserer Stellung zu zwingen, da er seine Hoffnung auf unsere Flankenempfindlichkeit setzt.** – Согласно перехваченным приказам, противник намеревается проникнуть между опорными пунктами и таким образом войти в наш тыл и фланг, тем самым создать замешательство и

вынудить нас отказаться от наших позиций, предполагая, что наши фланги уязвимы.

г) Chef des Stabes orientiert Ia. 1.Geb.Div. **stösst** am 23.6. bis zur Strasse **vor**. Zur Abdeckung der Nordflanke **wird** 1 Rum. Rgt. und 1 Btl. des Rum.Rgt.85 zur Verfügung **gestellt**. Die Sicherung der Südflanke **erfolgt** durch ein zweites Btl. des Rum.I.R.85 und das Jg.Rgt.5. – Начальник штаба ставит в известность начальника оперативного отдела. 1-я горнострелковая дивизия 23 июня продвигается до дороги. Для прикрытия северного фланга выделяется один румынский полк и один батальон 85-го румынского полка. Охрана южного фланга осуществляется вторым батальоном 85-го румынского пехотного полка и 5-м егерским полком.

д) V.A.v.Hirschfeld und Btl.Wolfmeyer **haben** den ganzen Tag hindurch **Kämpfe** mit starkem Feind (2 Rgter., mehrere Panzer) in Tschistowodowka. Abends 19.00 Uhr **wird** es von V.A.v.Hirschfeld und Btl.Wolfmeyer unter Unterstützung einer 8,8 cm Flak Btr. und der gesamten Arko-Artillerie unter blutigen Feindverlusten **gestürmt**. – Передовой отряд фон Хиршфельда и батальон Вольфмайера в течение всего дня ведут бои с превосходящими силами противника (2 полка, несколько танков) в Чистоводовке. Вечером, в 19:00, населенный пункт был взят штурмом передовым отрядом фон Хиршфельда и батальоном Вольфмайера при поддержке батареи 88-мм зенитных орудий и всей артиллерии Арко, при этом противник понес тяжелые потери.

е) Die Fussmarschierenden Teile der Division, **vor allem Dingen Pferde und Tragtiere sind sehr übermüdet**. Div.Kdr. **bittet** erneut um einen Rasttag für die fussmarschierenden Teile, **den der Kommandierende General bereits vor 2 Tagen zugesagt hatte**. – Пешие подразделения дивизии, и в первую очередь лошади и вьючные животные, находятся в состоянии крайнего переутомления. Командир дивизии повторно ходатайствует о предоставлении дня отдыха для передвигающихся пешим порядком частей, на что командующий дал свое согласие еще два дня назад.

ж) **läuft** der Operationsbefehl für den Vorstoss über den Kaukasus an das Schwarze Meer **aus**, **der eine Zusammenfassung der mündlichen Besprechungen und Befehle vom 8., 12.8., sowie der bereits eingeleiteten Massnahmen bildet** (Anlage). – Издаётся оперативный приказ о наступлении через Кавказ к Черному морю, представляющий собой сводку устных совещаний и приказов от 8 и 12 августа, а также уже предпринятых мер (Приложение)

з) Durch Div.Befehl **wird** die Sicherung der Kubanbrücke von der 1./Radf.Schwdr.54 **übernommen**. 16./G.J.R.99 **soll** nach Eintreffen **die sichernden Teile** der G.Pz.Jg.Abt.44 die ohne Stab in Mikoian Schachar sammeln sollen, in Tscherkessk **ablösen**. – Приказом по дивизии охрана моста через Кубань возлагается на 1-й эскадрон 54-го велосипедного батальона. 16-я рота 99-го горнострелкового полка по прибытии должна сменить в Черкесске подразделения охраны 44-го горного противотанкового дивизиона, которым приказано сосредоточиться в Микоян-Шахаре без штаба.

2.4. Лексико-грамматические и прагматические особенности фронтового документа

Анализ предоставленных документов позволяет выделить ряд ключевых особенностей, характеризующих язык немецкого военного делопроизводства периода Восточной кампании. Результаты представлены по уровням языковой системы.

1. Лексические особенности и система аббревиации

Одной из наиболее заметных черт анализируемых документов является высокая степень насыщенности текста аббревиатурами и сокращениями. Подсчет показал, что в среднем на одну страницу журнала приходится от 25 до 40 аббревиатур различных типов. Это явление напрямую связано с институциональной потребностью в экономии времени и места при фиксировании событий, а также с необходимостью быстрой передачи информации в условиях боевой обстановки.

В тексте встречаются сокращения всех основных категорий военных понятий:

а) Обозначения воинских подразделений:

- *Pz.Abt.* (Panzer-Abteilung);
- *XI. A.K.* (XI. Armee-Korps);
- *1. Geb.Div.* (1. Gebirgs-Division);
- *Geb.Jäg.Felders.Btl.54* (Gebirgs-Jäger-Feldersatz-Bataillon 54);
- *G.J.R.98* (Gebirgs-Jäger-Regiment 98);
- *KradSch.Schwdr.54* (Krad-Schützen-Schwadron 54);
- *Radf.Abt.54* (Radfahr-Abteilung 54);
- *Flak Rgt.25* (Flugabwehrkanonen-Regiment 25);
- *Brücken-Bau-Btl.560* (Brücken-Bau-Bataillon 560)
- *Pz.A.O.K.1* (Panzerarmee-Oberkommando 1)

б) Должности и звания:

- *Div.Kdr.* (Divisions-Kommandeur);
- *Kdr.* (Kommandeur);
- *Chef d. Stabes* (Chef des Stabes);
- *Ia* (Erster Generalstabsoffizier);
- *Arko 6* (Artillerie-Kommandeur 6);
- *Obstlt.* (Oberstleutnant);
- *Hptm.* (Hauptmann);
- *Oblt.* (Oberleutnant);
- *O.Qu* (Quartiermeister);
- *Stellv.* (Stellvertreter);
- *Adj.* (Adjutant);
- *Rgt.Kdr.* (Regiments-Kommandeur);
- *O1* (Erster Offizier).

в) Виды вооружений и техники:

- *s.Art.Abt.627* (schwere Artillerie-Abteilung 627);
- *21 cm Mörser* (21-см миномет);

- *8,8 cm Flak Bttr.* (8,8-см зенитная батарея);
- *5 cm Pak* (5-см противотанковая пушка);
- *Gr.W.* (Granatwerfer – миномет);
- *s.M.G.* (schweres Maschinengewehr – тяжелый пулемет);
- *Kfz.* (Kraftfahrzeug – автотранспорт);
- *Lkw.* (Lastkraftwagen – грузовик);
- *s.F.H.Bttr.* (schwere Feldhaubitze Batterie);
- *le.Gr.W.* (leichter Granatwerfer).
- г) Типы документов и коммуникации:
- *Korpsbefehl* (приказ корпуса);
- *Meldung* (донесение);
- *Abendmeldung* (вечернее донесение);
- *Morgenmeldung* (утреннее донесение);
- *Funkspruch* (радиограмма);
- *Fernspruch* (телефонограмма);
- *Anlage* (приложение).

Такая компрессия информации обусловлена спецификой военной сферы деятельности, где в условиях постоянной опасности от быстроты и точности речи зависит жизнь личного состава и успех боевой задачи. Как отмечают исследователи, военный дискурс предполагает краткость, лаконичность и предельную ясность, исключая двусмысленность и экономящие время в экстремальных ситуациях [Гарбовский, 2020]. Аббревиация, сокращения и прочие лексические приемы порождают особый пласт лексики, которая служит маркером профессиональной компетенции и принадлежности к «своим». Человек, не владеющий этой системой сокращений, автоматически идентифицируется как «чужой», что в условиях войны может иметь критические последствия. Это касается не только военного, но и дискурса как такового – каждый социальный институт предполагает наличие лексики для «своих», «для внутреннего употребления» [Шейгал, 2000].

Особый интерес представляет идеологически маркированная лексика. В записях встречается выражение «*die rote Luftwaffe*» (Красные ВВС) – явная калька с немецкой пропагандистской терминологии, где прилагательное «красный» используется для обозначения советских войск. Это свидетельствует о проникновении идеологических клише даже в сугубо функциональные документы оперативного учета.

Также наблюдается активное использование военной терминологии, обозначающей специфические действия: *Ablösung*, *Spähtrupp*, *Feuerzusammenfassung*), *Sicherung*, *Erkundung*, *Eingreifreserve*, *Säuberungsaktion*. Лексема *Eingreifreserve* в записи от 14.00 подчеркивает функциональную роль подразделения: оно не занимает статичную оборону, а предназначено для активного маневра («*wird als Eingreifreserve... verlegt*»).

Термин *Säuberungsaktion* (зачистка) встречается в документах неоднократно, что указывает на систематический характер операций по ликвидации партизанских групп и «зачистке» тыловых районов. Это эвфемистическое обозначение карательных операций характерно для военного дискурса, где прямые наименования действий часто заменяются более нейтральными терминами [Максимова, 2024].

2. Синтаксические особенности: эллипсис и номинативные конструкции

Синтаксис документов характеризуется стремлением к минимализму. Полные развернутые предложения встречаются редко, преимущественно в описательных частях докладов и при передаче прямой речи. Преобладают эллиптические конструкции, где опущены сказуемые или подлежащие, так как они подразумеваются контекстом.

Ярким примером служит следующая запись: «*Antrag an Korps: Eine Beob.Abt. zuzuweisen*» (Заявка в Корпус: назначить наблюдательный отряд). Здесь опущено вводное слово и подлежащее («Подразделение подает заявку...»), акцент сделан исключительно на действии и объекте.

Часто встречаются номинативные предложения, фиксирующие факт или время:

- «*14.00 Uhr Korpsbefehl...*» (14.00 Приказ корпуса...);
- «*19.15 Uhr Abendmeldung.*» (19.15 Вечернее донесение);
- «*4.00 Uhr Morgenmeldung.*» (4.00 Утреннее донесение);
- «*Nacht ruhig verlaufen.*» (Ночь прошла спокойно).

В последнем примере, несмотря на наличие глагола, конструкция предельно сжата. Такая синтаксическая компрессия отражает институциональную установку на фиксацию «сухих фактов» без эмоциональной окраски и второстепенной информации.

Особый интерес представляют конструкции с инфинитивом и **zu** + Infinitiv, которые часто используются для формулировки задач и приказов:

- «*nicht früher weg**zu**ziehen, bevor nicht eine Ablösung... erfolgt ist*» (не уходить раньше, пока не произойдет смена...);
- «*ob ein Räumen des Ortes zur Vermeidung von Verlusten... **zu** bedenken*» (следует ли рассмотреть возможность оставления населенного пункта для избежания потерь...).

Эти конструкции позволяют выразить долженствование и необходимость без использования модальных глаголов, что делает фразу более компактной.

3. Грамматические средства выражения иерархии и действия

Грамматический строй текста четко разграничивает уровни управления. Действия вышестоящего командования часто описываются с помощью пассивных конструкций или глаголов в Passiv, что смещает фокус с исполнителя на сам факт приказа или перемещения:

- «*...**wird** als Eingreifreserve hinter 1.Geb.Div. **verlegt**.*» (...передвигается в качестве подвижного резерва за 1-ю горную дивизию);
- «*62.Inf.Div. **wird** fernmündlich hiervon in Kenntnis **gesetzt**.*» (62-я пехотная дивизия уведомляется об этом по телефону);

- «...*wird* später vielleicht im Gegenstoss wieder *nehmen zu müssen*...» (...что, возможно, позже придется снова занять в контратаке).

В то же время действия собственного командования (*Div.Kdr.*) описываются активным залогом, подчеркивающим субъектность и власть:

- «*Div.Kdr. orientiert Kdr. Geb.Jäg.Felders.Btl.54...*» (Комдив инструктирует командира 54-й горного полевого запасного батальона...);
- «*Div.Kdr. entscheidet, dass...*» (Комдив решает, что...);
- «*Div.Kdr. bespricht mit Oberst Picker...*» (Комдив обсуждает с полковником Пикером...);
- «*Div.Kdr. lässt sich durch Hptm.Bader... unterrichten.*» (Комдив дает проинформировать себя через капитана Бадера...).

Глаголы *orientieren* (инструктировать/ориентировать), *entscheiden* (решать), *befehlen* (приказывать), *anweisen* (предписывать) маркируют вертикаль власти. Глагол *orientieren* особенно примечателен: согласно Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, он реализует спектр значений – от пространственной ориентации до информирования и постановки в известность [Digitales Wörterbuch], что создает предпосылки для его специализации в институциональных дискурсах..

Особого внимания заслуживает использование инфинитивных конструкций в постановке задач (*Auftrag*). В записи читаем: «*Auftrag: Erkundung eines Einsatzes gegen 169,5 und 156,2*». Здесь задача сформулирована как отглагольное существительное, что типично для немецкого военного языка, придающего действиям статус объекта планирования.

4. Прямая речь как маркер критической ситуации

Уникальной особенностью данного корпуса документов является наличие случаев прямой речи, что нетипично для военных документов, где обычно преобладает косвенная речь или безличное изложение. В записях

зафиксирован диалог между командующим корпусом (*Komm.General*) и командиром дивизии (*Div.Kdr.*):

«*Div.Kdr.: 'Ich befürchte nach Eroberung des Brückenkopfes in Ssawinzy allein dazustehen. Wenn ich allein in Ssawinzy bin, muss ich vielleicht den Brückenkopf wieder aufgeben. Linker Nachbar muss folgen.'*»

«*Komm.General: 'Ich weiss nicht, ob linker Flügel nachkommt, ich will aber erreichen, dass Mackensen spätestens bei Tagesanbruch des 2. Tages mit einer Panzer-Div. nördlich Ssawinzy steht.'*»

(«Комдив: “Опасаясь, что после захвата плацдарма в Савинцы останусь один. Если я буду один в Савинцах, возможно, придется снова оставить плацдарм. Левый сосед должен подтянуться.”»

«Командующий корпусом: “Не знаю, подойдет ли левый фланг, но я хочу добиться, чтобы Маккензен не позднее рассвета 2-го дня стоял с танковой дивизией севернее Савинцев.”»)

Использование прямой речи в данном случае свидетельствует о критической важности зафиксированного разговора. Командир дивизии выражает опасения относительно изоляции своего подразделения после захвата плацдарма, что является серьезным тактическим риском. Фиксация этих слов в официальном документе служит своеобразной «страховкой»: в случае неудачи операции командир сможет сослаться на то, что заблаговременно предупреждал вышестоящее командование о рисках. Данный прием полностью соответствует выводу И.С. Поповой о том, что «к цитированию говорящий прибегает тогда, когда он хочет снять с себя ответственность за сказанное, сославшись на авторитетное мнение» [Попова, 2009]. В контексте военного дискурса прямая речь трансформируется в инструмент документального распределения ответственности, позволяющий зафиксировать позицию автора и защитить ее от возможных последующих санкций.

Также встречаются прямые цитаты приказов и распоряжений:

- «*Plan ist aufgeschoben*» (План отложен);

- «*Leute schonen!*» (Беречь людей!);
- «*Devise Ruhe.*» (Девиз – спокойствие.)

Эти лаконичные формулировки передаются в прямой речи для сохранения их императивной силы и эмоциональной окраски.

5. Хронотоп военного документа

Важнейшей организующей структурой документа является время. Левая колонка таблицы строго фиксирует хронологию событий с точностью до минуты (14.00, 14.05, 14.35, 20.55 и т.д.). Это отражает институциональное восприятие времени как ресурса, который необходимо учитывать и контролировать.

Пространство также строго обозначается через названия населенных пунктов (*Jwanowka, Bairak, Gusarowka, Schtschurowka, Ssawinzy, Tschepel, Melowaja, Oljchowatka*) и высот с цифровыми обозначениями (169,5; 156,2; 179,6; 159,6). Такая система координат позволяет однозначно идентифицировать местоположение без использования развернутых описаний.

В записях пространство описывается через тактические ориентиры: «*südlich des Donez*» (южнее Донца), «*nördlich des Donez*» (севернее Донца). Предлоги направления и местонахождения (*hinter, vor, südlich, nördlich, in, aus, gegen, über*) играют ключевую роль в создании оперативной картины местности.

Особый интерес представляют кодовые названия объектов и операций:

- «*Rote Haus*» (Красный дом) – условное обозначение казарменного здания в Чепеле;
- «*Filzlaushöhe*» (высота «Фильцлаус») – кодированное название высоты;
- «*Fridericus II*» – название военной операции.

Использование кодовых наименований служит целям оперативной безопасности и упрощения коммуникации.

6. Прагматика: от приказа к отчету

В тексте четко прослеживаются два основных коммуникативных сценария: передача приказа вниз и передача отчета вверх. Эти сценарии имеют различные языковые маркеры.

а) сценарий «Приказ» маркируется словами *Korpsbefehl* (приказ корпуса), *Auftrag* (задача), *Befehl an...* (приказ...), *Weisung* (распоряжение):

- «*Korpsbefehl über Abmarsch der Pz.Abt.Montfort*» (**Приказ корпуса** о выступлении танкового батальона Монтфорт);
- «*Befehl an Gef.Gr.Picker, sich in den Besitz der Filzlaushöhe zu setzen.*» (**Приказ** боевой группе Пикер занять высоту Фильцлаус).

б) сценарий «Отчет» маркируется словами *Meldung* (донесение), *Anruf* (вызов по связи), *Funkspruch* (радиограмма), *Fernspruch* (телефонограмма):

- «*Meldung Major Wolfmeyer über eintreffen in Jwanowka*» (**Донесение** майора Вольфмейера о прибытии в Ивановку);
- «*Meldung G.J.R.98: Ablösung ist beendet, Befehl übernommen, vor der Front Ruhe.*» (**Донесение** 98-го горнострелкового полка: смена завершена, командование принято, перед фронтом спокойно).

в) наблюдается также сценарий «Запрос» (*Anfrage, Antrag*):

- «*Anfrage bei Kdr.Geb.Jäg.Felders.Btl.54, wie sich Major Eisgruber zur Möglichkeit, Tschepel im Angriff wegzunehmen stellt*» (**Запрос** командиру батальона, как майор Айзгрубер относится к возможности захвата Чепеля атакой);
- «*Antrag an Korps: Eine Beob.Abt. zuzuweisen*» (**Заявка** в Корпус: назначить наблюдательный отряд).

г) и сценарий «Информирование» (*Information, Orientierung, Mitteilung*):

- «*Information Ia Korps durch Ia: Alle Marschbewegungen abgestoppt.*» (**Информация** оперативного офицера корпуса через оперативного офицера: все маршевые передвижения остановлены);
- «*Korps orientiert: 'Fridericus II' voraussichtlich 20.6. durch 1.Rum.Div.*» (Корпус **информирует**: «Фридрикус II» предположительно 20.6 через 1-ю румынскую дивизию).

Разнообразие коммуникативных сценариев свидетельствует о сложной системе документооборота, где каждый тип сообщения имеет свою языковую форму и прагматическую функцию.

7. Взаимодействие с союзными войсками

В документах неоднократно упоминаются румынские подразделения (*rum.Rgt.85, 1.Rum.Div., rum.Art.Rgt.1*), что отражает реальную ситуацию на фронте, где вермахт действовал в координации с войсками союзников. Язык документов фиксирует специфику этого взаимодействия:

- «*Besprechung des Div.Kdr. mit Rgt.Kdren. Gegenstand: Durch unterstelltes rum.I.R.85 gegebene Ablösungsmöglichkeiten.*» (Совещание комдива с командирами полков. Предмет: возможности смены через подчиненный румынский 85-й пехотный полк);
- «*Verbindungskommado der 1.rum.Div. eingetroffen.*» (Команда связи 1-й румынской дивизии прибыла);
- «*Kdr. 1.Rum.Div. informiert sich. Er bleibt mit den der 1.Geb.Div. nicht unterstellten Teilen seiner Division im Raum um Wesselyj und westlich.*» (Командир 1-й румынской дивизии информируется. Он остается с не подчиненными 1-й горной дивизии частями своей дивизии в районе Веселого и западнее).

Используется та же система аббревиатур и терминов, что и для немецких частей, что свидетельствует о стандартизации документооборота в рамках Оси. Однако наблюдается лексическое разграничение: румынские части всегда маркируются прилагательным *rum.* или *Rum.*, что подчеркивает их статус союзных, но не интегральных частей вермахта.

В записи упоминается «*2. rum. Div.*» (2-я румынская дивизия) как «*rechter Nachbar*» (правый сосед). Язык документа фиксирует координацию действий: «*nicht von Rumänen besetzen zu lassen, um sie später vielleicht im Gegenstoss wieder nehmen zu müssen*» (не позволять румынам занимать [высоту], чтобы потом, возможно, не пришлось отбивать ее контратакой). Это свидетельствует о недоверии или, по крайней мере, о строгом разграничении

зон ответственности, что также находит отражение не только в лексическом выборе (*selbst zu besetzen* – занять самим), но и в самих директивах верховного командования вермахта.

Так, в директивах стратегического уровня разграничение зон ответственности приобретает нормативный и императивный характер. Так, в Weisung Nr. 41 от 5 апреля 1942 г. верховное командование предписывает размещать союзные формирования “преимущественно на собственных участках” (*weitgehend in eigenen Abschnitten*), выстраивая их вдоль фронта в жесткой географической последовательности: “венгры будут размещены на самом севере, за ними – итальянцы, а румыны – на самом юго-востоке” (*am weitesten nördlich die Ungarn, demnächst die Italiener, am weitesten südostwärts die Rumänen eingesetzt werden*). При этом немецкие войска резервируются “для удержания ключевых направлений” (*als starke Stütze... einzusetzen sind*), а часть дивизий сохраняется “в качестве резерва для оказания помощи за Донским фронтом” (*hinter der Donfront als Eingreifreserven verfügbar*). Подобная формулировка фиксирует не равноправную координацию, а иерархическое распределение боевых задач, где румынские части выполняют функцию статичного прикрытия протяженных флангов, тогда как ударные и маневренные функции остаются исключительно за вермахтом. Язык документа лексически маркирует эту обособленность: союзники определяются через призму территориального закрепления (*eingesetzt werden, eigenen Abschnitten*), что подчеркивает их статус вспомогательного, но строго регламентированного компонента группировки [Hubatsch, 1962].

8. Статистические данные и фактографичность

Документы содержат многочисленные количественные данные, что подчеркивает их фактографический характер:

- Потери: «3 Tote, 1 Schwerverwundeter» (3 убитых, 1 тяжелораненый);
- Численность: «etwa 500-600 Mann» (около 5100-600 человек);
- Техника: «mit 4 Geschützen (5,7 cm lang)» (с 4 орудиями (5,7 см длиной));

- Расстояния: «*1,5 km ostwärts der Seen*» (1,5 км восточнее озер).
- Время: «*nach 1/2stündiger heftiger Artilleriesvorbereitung*» (после 1/2-часовой интенсивной артиллерийской подготовки).

Использование точных цифр и измерений является институциональным требованием к военным документам, где приблизительные данные могут привести к ошибочным решениям.

2.5. Жанровая организация немецкой фронтовой документации: авторская классификация

Как отмечает М. Н. Федулова, жанровая специфика выступает одним из трех базовых параметров, обеспечивающих внутреннюю целостность любого институционального дискурса наряду с тематическим и концептуальным измерениями [Федулова, 2020]. Именно жанровая организация превращает разрозненные речевые акты в упорядоченную институциональную практику, где каждый жанр выполняет строго определенную коммуникативную функцию и занимает фиксированное место в системе документооборота.

Необходимо отметить, что теоретико-методологический фундамент анализа жанровой организации фронтовых текстов опирается на концепцию речевых жанров М. М. Бахтина, трактующего их как относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, формирующиеся в той или иной сфере речевой практики [Бахтин, 1986]. Как подчеркивает В. И. Карасик, в рамках институционального дискурса речевые жанры приобретают особую нормативную силу: они не просто отражают коммуникативные потребности участников, но и предписывают им определенные модели речевого поведения, строго соотносящиеся с их статусно-ролевыми характеристиками [Карасик, 2002]. По мнению К. Ф. Седова, жанр в дискурсивной практике выступает знаково-словесной репрезентацией стандартных сценариев социальных контактов, результативное воплощение которой требует обязательного учета специфики реципиента и его апперцептивной основы

[Седов, 2011].

В сфере военной коммуникации жанровая организация приобретает предельно жесткий и регламентированный характер. По данным Д. Р. Фахрутдиновой, армейская среда пронизана жесткими иерархическими связями, что неизбежно обуславливает предельную регламентацию речевого поведения военнослужащих и формирование устойчивого репертуара речевых жанров [Фахрутдинова, 2008 (б)]. К числу базовых стандартов военного дискурса относятся команда, рапорт, развернутый приказ и воинское приветствие, тогда как в сфере профессиональной военной деятельности речевое взаимодействие реализуется по двум основным векторам: «коммуникации между агентами в институтах» и связям по линии «военный институт – общество» [Фахрутдинова, 2008 (а)].

Необходимо отметить, что структурные особенности военного дискурса, выявленные Т. С. Юсуповой, напрямую проецируются на жанровую организацию фронтовых текстов: иерархичность, регламентированность и целеполагание данного дискурса находят прямое отражение в характеристиках фронтового текста как особой знаковой системы, порождаемой в условиях боевых действий [Юсупова, 2009]. Как подчеркивает Е. И. Шейгал, каждый социальный институт предполагает наличие лексики «для своих», «для внутреннего употребления», что в условиях войны распространяется и на жанровые формы: владение определенным жанровым репертуаром становится маркером профессиональной компетенции и принадлежности к военному сообществу [Шейгал, 2000].

Важно подчеркнуть, что анализ жанровой организации немецкой фронтовой документации 1941–1942 гг. сталкивается с рядом методологических сложностей. Во-первых, существующие в отечественной и зарубежной лингвистике типологии военных жанров (в частности, разработанная Д. Р. Фахрутдиновой трехвекторная модель) опираются преимущественно на материал мирного времени и не учитывают специфику

фронтальной коммуникации, где жанровые формы подвержены экстремальной прагматической компрессии и ситуативной адаптации. Во-вторых, традиционные подходы к жанровой классификации военных текстов не дифференцируют функциональные категории документов, где, например, донесение и рапорт, при всей их близости, выполняют различные прагматические задачи. В-третьих, не разработана система классификации, учитывающая одновременно функциональное назначение, направление коммуникации (нисходящая, восходящая, горизонтальная) и степень институциональной регламентированности жанра.

Следует подчеркнуть, что на основе проведенного автором диссертационного исследования корпуса текстов журнала боевых действий 1-й горнострелковой дивизии вермахта за 1941–1942 гг. (общим объемом более 2500 страниц машинописного текста) и с опорой на функционально-стилистический подход В. И. Карасика, нами была разработана и предлагается следующая авторская классификация речевых жанров немецкой военной документации. Роль автора в данной классификации заключается в следующем: 1) систематизации 29 выявленных в корпусе жанровых единиц в четыре функциональные категории (информационные, директивные, коммуникативные, отчетные) на основе их доминирующей прагматической функции в условиях фронтального документооборота; 2) установлении частотности употребления каждого жанра, что позволяет выявить базовые коммуникативные потребности военной коммуникации; 3) выявлении типовой структуры наиболее частотных жанров и иерархической структуры документооборота. Подобная авторская систематизация позволяет преодолеть недостатки существующих типологий и учесть специфику именно фронтального текста как гибридной формы военного дискурса.

Представленная ниже в Таблице 1 классификация является результатом проведенного нами анализа корпуса текстов. Систематизация 29 выявленных речевых жанров в четыре функциональные категории (информационные,

директивные, коммуникативные, отчетные) опирается на функционально-стилистический признак и специфику военного дискурса.

Таблица 1

Классификация речевых жанров немецкой военной документации

Категория	Жанр	Немецкий термин	Частотность	Функция
Информационные	Донесение	Meldung	47	Информирование о событии
	Утреннее донесение	Morgenmeldung	6	Отчёт о ночной ситуации
	Полуденное донесение	Mittagsmeldung	3	Промежуточный отчёт
	Вечернее донесение	Abendmeldung	7	Итоговый отчёт за день
	Донесение наблюдения	Beobachtungsmeldung	4	Разведывательная информация
	Информирование	Information	5	Передача сведений
	Сообщение	Mitteilung	4	Официальное уведомление
	Инструктаж	Unterrichtung	2	Вводная информация
	Вводный инструктаж	Einweisung	1	Первичное ознакомление
	Объявление	Bekanntgabe	1	Официальное оглашение
Директивные	Приказ	Befehl	12	Обязательное распоряжение

	Корпусной приказ	Korpsbefehl	3	Приказ уровня корпуса
	Задание	Auftrag	5	Тактическое поручение
	Указание	Weisung	4	Рекомендательное распоряжение
	Ходатайство	Antrag	6	Запрос на разрешение
Коммуникативные	Телефонный вызов	Anruf	3	Устная связь
	Телеграмма	Fernspruch	3	Дистанционное сообщение
	Устное сообщение	Fernmündlich	5	Телефонная передача
	Беседа	Gespräch	5	Переговоры
	Совещание	Besprechung	11	Коллективное обсуждение
	Запрос	Anfrage	4	Вопрос вышестоящему
	Подтверждение	Bestätigung	2	Верификация информации
	Ориентирование	Orientierung	6	Ввод в курс дела
	Предварительное ориентирование	Vororientierung	2	Заблаговременное информирование
	Обмен данными	Lageaustausch	2	Координация между частями

	Согласование	Verständigung	1	Договорённость
Отчётные	Рапорт/Отчёт	Bericht	2	Развёрнутое изложение
	Соображение	Erwägung	1	Процесс принятия решения
	Показания пленных	Gefangenaussagen	1	Разведывательный отчёт

Статистический анализ частотности жанровых единиц выявляет четкую иерархию коммуникативных потребностей фронтового документооборота. Наиболее частотным жанром является Meldung (донесение) – 47 употреблений, что составляет 31% от общего числа жанровых единиц. Как отмечает Д. Р. Фахрутдинова, это свидетельствует о том, что базовой коммуникативной потребностью военной документации является оперативное информирование о событиях [Фахрутдинова, 2008 (б)]. Следует подчеркнуть, что совокупная частотность всех разновидностей донесений (утреннего, полуденного, вечернего, донесения наблюдения) достигает 67 употреблений, что подтверждает доминирование восходящей коммуникации в системе фронтового документооборота.

Важно добавить, что второе место по частотности занимает Befehl (приказ) – 12 употреблений, что подтверждает иерархическую природу военной коммуникации: директивные жанры занимают центральное место в системе документооборота. Как подчеркивает В. И. Карасик, третье место по частотности занимает Besprechung (совещание) – 11 употреблений, что отражает важность коллективного принятия решений в системе военного управления [Карасик, 2002]. Следует отметить, что совокупная частотность директивных жанров (приказ, корпусной приказ, задание, указание, ходатайство) составляет 30 употреблений, что свидетельствует о сбалансированном характере нисходящей коммуникации.

Рассмотрим типовую структуру наиболее частотных жанров, выявленную в ходе анализа корпуса.

Meldung (донесение) имеет следующую типовую структуру: **[Время]** + *Meldung* + **[Подразделение]** + **[Содержание события]**.

Пример: «**16.00 Uhr Meldung G.J.R.98**, dass etwa 500–600 Mann mit einzelnen Lkw. und Trossfahrzeugen aus Saliman über die Höhe 179,6 in die Donezwaldungen nordwestlich davon sich verschieben.»

Перевод: «16:00. Донесение 98-го горно-егерского полка: около 500–600 человек с отдельными грузовиками и обозными транспортными средствами перемещаются из Залимана через высоту 179,6 в Донецкие лесные массивы к северо-западу от нее».

Befehl (приказ) характеризуется императивной модальностью: **[Время]** + *Befehl an* + **[Адресат]** + **[Содержание распоряжения]**.

Пример: «**11.35 Uhr Befehl an G.Pi.Btl.54**: Brückenkolonnen nach Süden in Wald verschieben, tarnen.»

Перевод: «11:35. Приказ 54-му саперному батальону: колонны с мостовым имуществом переместить на юг, в лес, замаскировать».

Besprechung (совещание) фиксирует коллективное обсуждение решений: **[Время]** + *Besprechung* + **[Участники]** + **[Содержание решения]**.

Пример: «**12.45 Uhr Besprechung Div.Kdr. mit Arko 6**: Wichtig, dass jede Abteilung von vornherein ihren Stellungsraum für den Angriff kennt.»

Перевод: «12:45. Совещание командира дивизии с командующим артиллерией 6: важно, чтобы каждое подразделение заранее знало свой район позиций для атаки».

Необходимо подчеркнуть, что анализ жанровой организации выявил четкую иерархическую структуру в системе фронтового документооборота, которую можно представить в виде следующей схемы:

Korpsbefehl (корпусной приказ)

↓

Befehl (дивизионный приказ)

Auftrag / Weisung (здание/указание)

Meldung / Bericht (донесение/рапорт)

Как отмечает Д. Р. Фахрутдинова, нисходящие жанры (*Befehl, Auftrag, Weisung*) передаются от вышестоящего командования к подчиненным, тогда как восходящие жанры (*Meldung, Bericht, Antrag*) движутся от нижестоящих подразделений к командованию [Фахрутдинова, 2008 (б)]. Следует также добавить, что горизонтальные жанры (*Lageaustausch, Verständigung, Besprechung*) обеспечивают координацию между равными по статусу частями, что особенно важно в условиях фронтовой коммуникации, где оперативная согласованность действий часто оказывается важнее формальной иерархии.

Необходимо отметить, что выявленная жанровая система не является статичной: в условиях экстремальной фронтовой коммуникации происходит активная адаптация жанровых форм. По данным автора, в корпусе фиксируются случаи жанровой гибридизации, когда, например, донесение (*Meldung*) приобретает черты прямого запроса (*Anfrage*), или когда приказ (*Befehl*) включает элементы аналитического рассуждения. Как отмечает С. А. Данилова, подобные жанровые трансформации характерны для периферийных зон институционального дискурса, где жесткие нормативные рамки смягчаются под воздействием ситуативных факторов [Данилова, 2015]. Следует добавить, что в условиях фронтового текста именно периферийная зона жанровой системы оказывается наиболее продуктивной: здесь возникают ситуативные неологизмы, эллиптические конструкции и прагматически мотивированные отступления от типовой структуры.

Таким образом, разработанная авторская классификация речевых жанров немецкой военной документации 1941–1942 гг. позволяет систематизировать 29 жанровых единиц в четыре функциональные категории и выявить четкую иерархическую структуру фронтового документооборота.

Как подчеркивает В. И. Карасик, полученные данные коррелируют с выводами о существовании «институциональных типов дискурса», характеризующихся жесткой регламентацией коммуникативного поведения [Карасик, 1992]. Однако, в отличие от гражданских институциональных дискурсов, немецкая фронтовая документация 1941–1942 гг. демонстрирует значительно более высокую степень стандартизации и меньшую вариативность жанровых форм, что обусловлено экстремальными условиями боевой коммуникации и тотальным характером идеологической детерминации военного дискурса.

Таким образом, жанровая организация немецкого фронтового текста представляет собой целостную функциональную систему, где каждый жанр занимает строго определенное место в иерархии документооборота и выполняет специфическую прагматическую задачу. Доминирование информационных жанров (прежде всего, донесения) подтверждает базовую потребность военной коммуникации в оперативном информировании, тогда как значительная доля директивных жанров отражает иерархическую природу управления войсками. Коммуникативные жанры (совещания, беседы, ориентирование) обеспечивают координацию между различными уровнями командования, а отчетные жанры фиксируют результаты боевых действий и процессы принятия решений. Как отмечает М. Н. Федулова, подобная жанровая организация обеспечивает внутреннюю целостность военного дискурса и его адаптивность к экстремальным условиям фронтовой коммуникации [Федулова, 2020]. Выявленные в ходе анализа закономерности создают прочный эмпирический фундамент для дальнейшего изучения механизмов взаимодействия языка, дискурса и исторической реальности в условиях вооруженного конфликта.

Выводы по Главе 2.

Во второй главе диссертационного исследования было проведено комплексное эмпирическое исследование немецкого военного фронтового текста 1941–1942 гг. на материале журнала боевых действий 1-й горнострелковой дивизии вермахта и сопутствующих документов оперативного учета. Следует подчеркнуть, что триангуляция методов (контекстуального, описательного, функционально-стилистического и ономаσιологического анализа) на корпусе объемом более 2500 страниц обеспечила статистическую репрезентативность и валидность полученных результатов, позволив верифицировать теоретические положения первой главы. Необходимо выделить следующие основные результаты:

- 1) В ходе анализа лексико-терминологической системы и ее перевода установлено, что военная терминология сочетает строгую дефинитивность и системность с выраженной идеологической маркированностью. Перевод данной лексики требует применения комплекса трансформаций (адекватной замены, экспликации) с обязательным учетом дискурсивного фона и историко-тактического контекста.
- 2) Исследование функционально-смысловых типов речи и синтаксиса показало, что синтаксическая организация фронтового документа подчинена принципу функциональной компрессии и базируется на трех логических категориях. Повествование (конъюнкция) реализуется через эллипсис, паратаксис и однородные предикаты для оперативной фиксации событий; описание (атрибуция) – через препозитивные причастные обороты; рассуждение (импликация) – через сложноподчиненные конструкции с придаточными условия и причины. Необходимо отметить, что стремление к речевой экономии в условиях экстремальной коммуникации трансформирует синтаксическую норму, делая эллипсис и номинативные конструкции императивным стандартом фронтового документооборота.
- 3) Анализ лексико-грамматических и прагматических особенностей выявил механизмы языкового конструирования институциональной

иерархии. Грамматический строй текста четко артикулирует вертикаль власти: действия абстрактных институций и вышестоящего командования кодируются пассивным залогом, тогда как субъектность собственного командования маркируется активным залогом и специфической лексикой (*orientieren, entscheiden*). Важно подчеркнуть, что уникальной прагматической чертой корпуса является ситуативное использование прямой речи, которая, согласно И. С. Поповой, выступает не как стилистический прием, а как инструмент документального распределения ответственности и тактической «страховки» в критических ситуациях. Хронотопическая организация текста (фиксация времени с точностью до минуты, тактические ориентиры, кодовые наименования) отражает институциональное восприятие пространства и времени как ресурсов управления.

4) По результатам изучения жанровой организации разработана и апробирована авторская классификация, включающая 29 речевых жанров, систематизированных в четыре функциональные категории: информационные, директивные, коммуникативные и отчетные. Статистический анализ подтвердил доминирование жанра донесения (*Meldung* – 31% от общего массива), что отражает базовую потребность системы в оперативном информировании. Выявленная трехуровневая иерархия документооборота (нисходящие приказы, восходящие рапорты, горизонтальные совещания) языковыми средствами репрезентирует институциональную вертикаль вермахта и строго разграничивает зоны ответственности, в том числе при прагматически маркированном взаимодействии с союзными (румынскими) войсками.

Таким образом, результаты второй главы эмпирически доказывают: немецкий фронтовой текст 1941–1942 гг. является не пассивным фиксатором боевых событий, а самостоятельной гибридной формой военного дискурса. Его языковая организация детерминирована взаимодействием жестких институциональных норм вермахта и ситуативных требований экстремальной фронтовой обстановки. Фронтовой текст активно участвует в

конструировании военной реальности, отражая логические паттерны стратегического мышления, механизмы идеологической легитимации и иерархию управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено выявлению и описанию особенностей немецкого фронтового текста периода 1941–1942 гг. как самостоятельной разновидности военного дискурса, функционирующей в условиях экстремальной коммуникации. Комплексный лингвистический анализ архивных материалов, выполненный на примере журнала боевых действий 1-й горнострелковой дивизии вермахта, позволил достичь поставленной цели и последовательно решить все заявленные исследовательские задачи.

В ходе теоретического обобщения и эмпирической верификации было доказано, что немецкий военный фронтовой текст указанного периода представляет собой не просто технический подвид официальной документации, а самостоятельную гибридную разновидность институционального военного дискурса. Его языковая организация детерминирована взаимодействием жестких институциональных норм вермахта и ситуативных требований фронтовой обстановки. Установлено, что фронтовой документ выполняет не только ретроспективно-фиксационную, но и прогностически-конструктивную функцию: он активно участвует в формировании оперативной картины мира командования, репрезентирует логические паттерны стратегического мышления и служит механизмом распределения институциональной ответственности, что позволяет рассматривать язык военного дискурса как инструмент управления и конструирования военной реальности.

Историко-лингвистический анализ показал, что начало Восточной кампании спровоцировало качественную трансформацию языковых практик вермахта. Выявленные магистральные закономерности эволюции немецкой военной речи этого периода включают идеологическую детерминированность, проявившуюся в проникновении языка Третьего рейха в профессиональную коммуникацию, формировании «дискурса завоевателя» и эвфемизации карательных практик; функциональную компрессию,

обеспечивающую максимизацию информативной плотности за счет аббревиации, эллипсиса и клиширования формул; жанровую стандартизацию, гарантирующую унификацию коммуникации в масштабах многомиллионной армии; а также адаптивную вариативность, выразившуюся в активной жаргонизации полевой речи и возникновении ситуативных неологизмов, компенсирующих разрыв между уставной нормой и реалиями боевых действий.

На основе анализа корпуса документов выявлена и систематизирована жанровая система немецкой фронтовой документации, включающая двадцать девять речевых жанров, объединенных в четыре функциональные категории: информационные, директивные, коммуникативные и отчетные. Статистический анализ подтвердил доминирование жанра донесения, что отражает базовую потребность системы в оперативном информировании. Выявленная жанровая матрица образует четкую трехуровневую иерархию документооборота, которая языковыми средствами репрезентирует институциональную вертикаль управления вермахта и строго разграничивает зоны ответственности, включая прагматику взаимодействия с союзными войсками.

Нами доказано, что синтаксическая организация фронтового текста подчинена принципу функциональной компрессии и базируется на трех функционально-смысловых типах речи, реализующих базовые логические категории. Повествование реализуется посредством однородных предикатов и эллиптических конструкций для последовательной фиксации событий, описание – через постпозитивные определительные придаточные и препозитивные причастные обороты для характеристики тактической обстановки, а рассуждение – через многоуровневые сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины и следствия для обоснования командирских решений. Лексико-грамматический уровень дискурса характеризуется системной компрессией информации, контрастным залоговым маркированием, при котором активный залог используется для

субъектов принятия решений, а пассивный – для исполнительных звеньев, а также прагматически мотивированным использованием прямой речи как инструмента документальной фиксации ответственности в критических тактических ситуациях.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о военной лингвистике, уточнении типологии институционального дискурса и развитии теории функционального синтаксиса на материале исторических документов. Практическая значимость определяется возможностью применения разработанных классификаций и аналитических схем в преподавании дисциплин по истории, языкознанию, военной науке и теории перевода. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке военных переводчиков, историков-архивистов, а также в цифровых проектах по автоматической обработке, атрибуции и переводу фронтовых документов периода Второй мировой войны.

Перспективы дальнейших исследований видятся в интеграции методов машинного обучения для автоматической разметки исторических текстов, создании мультимодальных корпусов, а также в проведении кросс-культурного сопоставления дискурсивных стратегий в военном дискурсе разных языковых сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова / Лингвистический энциклопедический словарь; главный редактор В.Н. Ярцева. – Москва, 1990. – С. 136–137. – Текст: непосредственный.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. – М., 1996. – С. 159–204. – Текст: непосредственный.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с. – Текст: непосредственный.
4. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики: учебник / Ф. С. Бацевич. – 2-е изд., доп. – К.: Академия, 2009. – 376 с. – Текст: непосредственный.
5. Бейлинсон, Л.С. Функции институционального дискурса / Л.С. Бейлинсон. – Текст: непосредственный // Вестник Иркутского государственного университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 143–147.
6. Белых, Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Белый; Военный университет Минобороны России, 2019. – 148 с. – Текст: непосредственный.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов, Ю. Н. Караулов. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 436 с. – Текст: непосредственный.
8. Бельчиков Ю. А. Эллипсис / Ю. А. Бельчиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. – Изд-е 2-е. – М.: Большая советская энциклопедия, 2000. – Текст: непосредственный.

9. Бойко Б. Л. Военный профжаргон и профессиональная речь военных / Б. Л. Бойко // Организационная психолингвистика. – 2018. – № 2(2). – С. 8–18. – Текст: непосредственный.
10. Бойко Б. Л. Интенсивность семантики военной лексики в текстах СМИ (сопоставительный аспект) / Б. Л. Бойко // Вестник адъюнкта. – 2018. – № 1(1). – С. 1. – Текст: непосредственный.
11. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л., 1983. – Текст: непосредственный.
12. Буцык, С.В. Дискурс в современном научном познании / С.В. Буцык. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 4 (44). – С. 44–48.
13. Гарбовский Н. К. Война и коммуникация в военной сфере деятельности / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. – 2020. – № 2. – С. 42–75. – Текст: непосредственный.
14. Греймас А.-Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте ; под ред. Ю. С. Степанова. – Москва: Радуга, 1983. – 640 с. – Текст: непосредственный.
15. Данакари, Л.Р. Интуитивное познание в современной эпистемологии / Л.Р. Данакари. – Текст: непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Том 9. – № 2А. – С. 73–80.
16. Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста / С. А. Данилова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – № 1. – С. 21–25. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14004.htm> (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
17. Данилова С. А. Типология дискурса / С. А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 345–349. – Текст: непосредственный.

18. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст: непосредственный.
19. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном мире / В.З. Демьянков. – Текст: непосредственный // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
20. Дубинин С. И. «Солдат вермахта» как модельная личность в милитаристском дискурсе (на материале двуязычных словарей и кратких разговорников) / С. И. Дубинин // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. статей. – Самара: Самарский госуниверситет, 2016. – Вып. 1. – Текст: непосредственный.
21. Дубинин С. И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» / С. И. Дубинин // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга: изд-во КГУ, 2015. – С. 168–173. – Текст: непосредственный.
22. Дубинин С. И. Трансформация «дискурса завоевателя»: на материале немецко-русского словаря “Soldaten-Wörterbuch“ / С. И. Дубинин // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. – 2015. – № 7 (129). – С. 16–23. – Текст: непосредственный.
23. Дуброва Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Дуброва Юлия Юрьевна. – М., 2015. – 24 с. – Текст: непосредственный.
24. Загнитко А. П. Основы дискурсологии: науч. учеб. пособие / А. П. Загнитко. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 194 с. – Текст: непосредственный.
25. Зайцева И. Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) / И. Д. Зайцева // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция.

- Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Барнаул-Кемерово: Изд-во Алтайского государственного университета, 2010. – № 10(10). – С. 36–40. – Текст: непосредственный.
26. Заложных В. В. Понятие «дискурс» в лингвистике в диахронно-синхроническом ракурсе / В. В. Заложных // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. СП Королева. – 2017. – С. 67–73. – Текст: непосредственный.
27. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: Издательство московского университета, 1976. – 307 с. – Текст: непосредственный.
28. Иванов Н. В. Концептуальные факторы личностной феноменологии дискурса / Н. В. Иванов // Организационная психолингвистика. Теория и практика: материалы I Международной научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2018 года / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство социально-гуманитарных технологий", 2018. – С. 27–30. – Текст: непосредственный.
29. Ирхин Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю. В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 128–143. – Текст: непосредственный.
30. Калашникова О. А. Военно-научный текст как объект лингвистического анализа / О. А. Калашникова, А. В. Самойлова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2021. – № 4 (157). – Текст: непосредственный.
31. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – С. 261. – Текст: непосредственный.
32. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН ; Волгоград: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

33. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. – С. 5–20. – Текст: непосредственный.
34. Карасик В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. – С. 25–33. – Текст: непосредственный.
35. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с. – Текст: непосредственный.
36. Кашкин В. Б. Дискурс: учебное пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 76 с. – Текст: непосредственный.
37. Киселева С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом (структурно-семантический дискурс и прагматический аспекты): специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Киселева Софья Александровна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2015. – 240 с. – Текст: непосредственный.
38. Клименко О. Г. Зеллиг Харрис / О. Г. Клименко // Американские лингвисты XX века. – 2001. – № 1. – С. 127–150. – Текст: непосредственный.
39. Клемперер В. ЛГП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – Текст: непосредственный.
40. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – Текст: непосредственный // Русистика и современность. – Том 1. –

- Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 12–16.
41. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с. – Текст: непосредственный.
42. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с. – Текст: непосредственный.
43. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания ; редкол.: С.А. Ромашко (отв. ред.) и др. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 5–13. – Текст: непосредственный.
44. Кузнецов, В.Г. Учение Ф. де Соссюра в свете соссюрологии / В.Г. Кузнецов. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – № 5. – Москва: Наука, 2006. – С. 114.
45. Курбаков И. А. Военно-политический дискурс как гибридный тип дискурса / И. А. Курбаков // Достижения науки в контексте повышения качества жизни и устойчивого развития общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции и IV Всероссийской (с международным участием) конференции, Алматы, 29 апреля 2019 года / под общей редакцией А.А. Арупова. – Алматы: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2019. – С. 210–217. – Текст: непосредственный.

- 46.Лабашук, М. Терминология Фердинанда де Соссюра в русском и польском переводах / М. Лабашук. – Текст: непосредственный. – Katowice: Przegląd Rusycystyczny, 2006. – No. 4 (116). – 96 с.
- 47.Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) / Ю. М. Лотман // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. – М.: О.Г.И., 1999. – С. 122–149. – Текст: непосредственный.
- 48.Лушева Е. П. Особенности синтаксиса немецких военно-политических текстов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лушева Е. П. – М., 1991. – Текст: непосредственный.
- 49.Максимова В. В. Эвфемизмы и Нюрнбергский процесс: «лингвистическая лазейка» для военных преступников / В. В. Максимова // Russian Linguistic Bulletin. 4) – 2024. 4) – № 3 (55). 4) – С. 89–92. 4) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-i-nyurnbergskiy-protsess-lingvisticheskaya-lazeyka-dlya-voennyh-prestupnikov> (дата обращения: 02.01.2026). – Текст: электронный.
- 50.Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск, 1990. – 172 с. – Текст: непосредственный.
- 51.Миронова, Н.Н. Дискурс – анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – Москва: НВИ-49 Тезаурус, 1997. – 158 с. – Текст: непосредственный.
- 52.Морозова О. А. Специфика межъязыковой асимметрии при категоризации артефактов, лиц и действий в профессиональных подъязыках (на материале лексики русского и английского вариантов профессионального нефтяного подъязыка): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Морозова Ольга Алексеевна ; Татарский

- государственный гуманитарно-педагогический университет. – Казань, 2006. – 220 с. – Текст: непосредственный.
53. Мусатаева М. Ш. Теоретические и методические аспекты изучения лингвистики текста и дискурса: учеб. пособие / М. Ш. Мусатаева. – Алматы, 2012. – 294 с. – Текст: непосредственный.
54. Муzychук Т. Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации (на материале русской художественной прозы): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Муzychук Татьяна Леонидовна ; РУДН. – Москва, 2013. – 382 с. – Текст: непосредственный.
55. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – Текст: непосредственный.
56. Одинцова И. В. К проблеме соотношения понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике и лингводидактике / И. В. Одинцова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 2. – С. 121–125. – Текст: непосредственный.
57. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты / В.З. Панфилов. – Москва: Наука, 1977. – 287 с.
58. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225–290. – Текст: непосредственный.
59. Погорецкая, О.А. Речевая манипуляция в медиапространстве итальянского политического дискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.А. Погорецкая. – Москва, 2021. – 210 с. – Текст: непосредственный.

60. Пономаренко Е. В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е. В. Пономаренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 13(156). – С. 131–140. – Текст: непосредственный.
61. Пономаренко Е. В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе / Е. В. Пономаренко // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 5(106). – С. 80–84. – Текст: непосредственный.
62. Пономаренко Е. В. Прагматическое воздействие как базовая функция английского делового дискурса / Е. В. Пономаренко // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – № 4(12). – С. 55–62. – Текст: непосредственный.
63. Пономаренко Е. В. Смысловый синергизм как основа актуализации коммуникативных стратегий и тактик английского делового дискурса / Е. В. Пономаренко, А. В. Радюк // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2013. – № 2(20). – С. 34–42. – Текст: непосредственный.
64. Попова И. С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопорождаемой речи / И. С. Попова // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 3 (7). – С. 65–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-rech-i-tsitirovanie-kak-sposoby-p-eredachi-chuzhogo-slova-v-ustnoporozhdaemoj-rechi> (дата обращения: 05.01.2026). – Текст: электронный.
65. Попова Т. Г. Категория информативной насыщенности юридического дискурса / Т. Г. Попова // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы международной конференции, Москва, 29–31 марта 2011 года. – Москва: Российский

- университет дружбы народов, 2011. – С. 273–275. – Текст: непосредственный.
66. Попова Т. П. Дискурс как речевое произведение в обучении иноязычному общению / Т. П. Попова // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 3(27). – С. 138–143. – Текст: непосредственный.
67. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва: Рефл-бук: Ваклер, 2001. – 651 с. – Текст: непосредственный.
68. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 26–43. – Текст: непосредственный.
69. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении : монография / К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2011. – 336 с. – ISBN 978-5-87604-212-5. – Текст : непосредственный.
70. Селезнева Л. В. Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л. В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2011. – Т. 8. – № 4. – С. 119–124. – Текст: непосредственный.
71. Сдобнова Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции: специальность 10.02.05 «Романские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сдобнова Юлия Николаевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2014. – 218 с. – Текст: непосредственный.
72. Серио П. Как читаются тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53. – Текст: непосредственный.

73. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1953. – 378 с. – Текст: непосредственный.
74. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык / Г. М. Стрелковский. – М.: Воениздат, 1979. – 272 с. – Текст: непосредственный.
75. Таубе А. М. Военный немецко-русский словарь: около 35 000 слов и выражений из основных областей военного дела, около 6 000 сокращений, применяемых в военной литературе / сост. проф. А. М. Таубе. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1945. – 612 с. – Текст: непосредственный.
76. Тарасов Е. Ф. Проблемы анализа речевого общения / Е. Ф. Тарасов // Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – С. 7–40. – Текст: непосредственный.
77. Уланов А. В. Источники русского военного дискурса XIX века: прагматистилистический аспект / А. В. Уланов // Учетные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – 2012. – № 1. – С. 73–76. – Текст: непосредственный.
78. Уланов А. В. Прагмалингвистическое описание русского военного дискурса (на материале документов XIX века) / А. В. Уланов // Филология и человек: научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 65–75. – Текст: непосредственный.
79. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Уланов Андрей Владимирович ; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2014. – 494 с. – Текст: непосредственный.

80. Фахрутдинова Д. Р. Стратегия дифференциации «своих» и «чужих» в военном институциональном дискурсе / Д. Р. Фахрутдинова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 3-2. – С. 38–43. – Текст: непосредственный.
81. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса / Д. Р. Фахрутдинова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – № 2. – С. 259–266. – Текст: непосредственный.
82. Федулова М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Федулова Мария Николаевна ; Военный университет. – Москва, 2020. – 315 с. – Текст: непосредственный.
83. Федулова М. Н. Категории дискурса и концепта в контексте проблематики восприятия, понимания и интерпретации / М. Н. Федулова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 50–56. – Текст: непосредственный.
84. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; пер. М. Б. Ракова. – Спб.: Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с. – Текст: непосредственный.
85. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Москва: Прогресс, 1977. – 489 с. – Текст: непосредственный.
86. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: сб. лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М.М. Беляева и др. – Москва: Весь Мир, 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.
87. Халатян, А.Б. Особенности организации современного политического дискурса / А.Б. Халатян. – Текст: непосредственный // Вестник. – № 6. – С.51–54.

- 88.Хомутова Т. Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т. Н. Хомутова, К. А. Наумова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 49–53. – Текст: непосредственный.
- 89.Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – Москва: ФЛИНТА, 2006. – 136 с. – Текст: непосредственный.
- 90.Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) / Л. А. Шашок // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 116–119. – Текст: непосредственный.
- 91.Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шевчук Валентин Никитич ; Военный Краснознаменный институт. – Москва, 1985. – 488 с. – Текст: непосредственный.
- 92.Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 440 с. – Текст: непосредственный.
- 93.Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / Л. В. Щерба ; ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич ; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с. – Текст: непосредственный.
- 94.Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса / Т. С. Юсупова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 4-4. – С. 1055–1057. – Текст: непосредственный.
- 95.Boog H. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1 / H. Boog, W. Deist, M. Messerschmidt. – Stuttgart, 1979. – 1205 S. – Текст: непосредственный.

96. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 2000 Wörter für Feldgebrauch und tägliches Leben. – Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. – 71 S. – Текст: непосредственный.
97. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 3000 Wörter für Feldgebrauch und tägliches Leben. – Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. – 79 S. – Текст: непосредственный.
98. Dijk T. A. van. Ideology. A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. – London: Sage Publications Ltd, 1998. – 384 p. – Текст: непосредственный.
99. Harris Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, No. 1. – P. 1–30. – Текст: непосредственный.
100. Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Ueberlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik / F. Hermanns // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien / A. Gardt, K. J. Mattheier, O. Reichmann. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – S. 69–101. – Текст: непосредственный.
101. Kilian K. A. Das Medium Feldpost als Gegenstand interdisziplinärer Forschung: Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades / K. A. Kilian. – Berlin, 2001. – Текст: непосредственный.
102. Kress G. Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Arnold, 2001. – 142 p.
103. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse / U. Maas. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 261 S. – Текст: непосредственный.
104. Orientieren // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. 4) – URL: <https://www.dwds.de/wb/orientieren> (дата обращения: 05.01.2026). – Текст: электронный.

105. Paltridge, B. Genres, frames, and writing in research settings. *Pragmatics and Beyond, New Series*, 45. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1997. 192 p.
106. Schiffrin D. *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. – Cambridge, MA & Oxford: Blackwell, 1994. – 482 p. – Текст: непосредственный.
107. Weisungen für die Kriegführung 1939–1945: Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht / hrsg. von W. Hubatsch. – Frankfurt am Main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1962. – 351 S. – Текст: непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1 Пример текста военных документов

Tag Uhrzeit Ort und Art der Unterkunft	Darstellung der Ereignisse (Dabei wichtig: Beurteilung der Lage (Feind- und eigene), Eingangs- und Abgangszeiten von Befehlen und Befehlen)
	Btl.Bader 5.45 Uhr im Wäldchen nördlich Punkt 2,0. Btl. Salminger im Nachschießen. II./G.J.R.98 mit Masse in Saliman.
6.15 Uhr	V.A.v.Hirschfeld meldet, Masse des II./G.J.R.98 ist auf dem andern Donssufer, ebenso Teile der 13./G.J.R.98. Die Pioniere arbeiten planmäßig an der Brücke. Fußsteig bereits gebaut.
6.35 Uhr	Div.Kdr. (der sich bei Angriffsbeginn auf seinen vorgeschobenen Gefechtsstand, in vorderster Linie des II./G.J.R.98 begeben hat) informiert Ia: Brücke gesprengt, eine andere Brücke in Brand gesteckt. Diese wird gelöscht und durch Pioniere für Fahrzeugverkehr in Stand gesetzt. Fertigstellung voraussichtlich bis Mittag.
6.37 Uhr	Arko 6 informiert, dass 1 Mörser-Bttr. in Stellungswechsel ist, 1 Bttr. 10 cm ebenso. I./G.A.R.79 steht noch am alten Platz und kann vorläufig noch nicht weggezogen werden, da sie den Angriff auf Wetrowka noch zu unterstützen hat. III./G.A.R.79 mit 2 Bttr. in Stellungswechsel. 9.Bttr. bleibt vorerst noch am alten Platz. IV./G.A.R.79 mit 1 Bttr. im Raum 173,4, die restl.Bttr. noch hinten.
6.52 Uhr	Ia orientiert Chef des Stabes: Der Stoss der Division ist mit vollem Erfolg gelungen. Der Russe hat alle Brücken gesprengt. Masse des II./G.J.R.98 über den Dones übergesetzt. Eine zweite Brücke, die brennt, wird zur Zeit gelöscht. Nach den Meldungen der Pioniere kann die Brücke wieder instandgesetzt werden.
	Linke Flanke wird noch gesäubert. Linkes Btl.Kress bei Mosoroff Bajrak hat Widerstand. III./G.J.R.99 nach Punkt 162,0 im Angriff. Rechts rückwärts gestaffel II. gegen Punkt 141,1.
7.10 Uhr	meldet G.J.R.99: 3./G.J.R.99 von Norden her in das Wäldchen eingedrungen und säubert nach Süden. 2.Kp. schliesst sich der Säuberungsaktion an. 5.15 Uhr wurde mit III./G.J.R.99 Punkt 162,0 genommen. Punkt 146,5 5.50 Uhr genommen. Von Mirnaja Dolina geht Russe in starken Scharen zurück.
7.15 Uhr	teilt Kdr.G.J.R.99 mit, dass in Tschepel der Rum.Kdr. das Kommando übernommen und abgelöst hat. Geb.Jäg.Felders.Btl.54 wird nach Saliman über Galinowa in Marsch gesetzt. II./G.J.R.99